

Евгений
СУХОВ

Воровская

СОНА

ГНЕВ СМОТРЯЩЕГО

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Гнев смотрящего

«ЭКСМО»

2009

Сухов Е. Е.

Гнев смотрящего / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2009 — (Варяг)

ISBN 978-5-699-34845-9

Времена изменились. «По понятиям» теперь живут лишь «ты, да я, да мы с тобой». Беспредельщики всех мастей повылезали из щелей, как тараканы. И ладно бы друг друга гасили, так нет – все норовят «правильным» людям жизнь попортить... Один из таких отморожков, Колян, решил наехать на самого Варяга – легендарного вора в законе, смотрящего России. Взяли этого Коляна, дубинкой резиновой бока пощекотали, чтобы урок усвоил, а он возьми и слиняй, да еще отправил на тот свет сразу троих бойцов Варяга. Пришлось проредить ряды и в бригаде Коляна. И вовремя – люди отмороженного бандюгана уже готовили покушение на смотрящего... Завертелось-понеслось, глаз за глаз – зуб за зуб. «Бывали и покруче разборки» – так думал Варяг, пока прямо на его глазах не взлетел в воздух автомобиль, в котором были его жена и сын...

ISBN 978-5-699-34845-9

© Сухов Е. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	48
Часть II	52
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгений Сухов

Гнев смотрящего

Пролог

В бильярдной стоял аромат дорогих голландских сигар. Просторное помещение было погружено в полумрак. Только зеленый суконный прямоугольник стола ярко освещался флюоресцентной лампой, свисавшей с потолка на длинном черном шнуре. Бильярдная размещалась в подвале кирпичного трехэтажного особняка за высоким зеленым забором в надежно охраняемом дачном поселке Жуковка-5, не обозначенном ни на одной географической карте Подмосковья. Этот особняк после смерти владельца, старого кремлевского работника Ивана Пахомовича Сапрыкина, перешел его сыну Алику, который, помимо роскошного дома, унаследовал многочисленные личные связи отца, позволявшие тонко ориентироваться в лабиринтах советской, а позже – российской власти. Это наследство оказалось бесценным, потому что давало возможность наследнику и его ближайшим друзьям, самым доверенным лицам, осуществлять невидимый контроль за передвижениями ключевых актеров на российской политической, экономической и криминальной сцене. Кем они были – простыми суфлерами или всемогущими режиссерами великого загадочного театра, этого не знал никто. Порой они сами до конца не осознавали силу своего воздействия на огромную зрительскую аудиторию, называемую Россией. Наивные зрители, простые российские граждане, не видя истинных постановщиков великолепного и страшного спектакля, то впадали в дикий восторг и эйфорию, сопровождая актерскую игру бурными, переходящими в овации аплодисментами, а то вдруг обливались горькими слезами от разыгравшейся на необъятных театральных подмостках вакханалии и беспредела. Ясно было одно, что игра велась по-крупному, и это внушало аудитории уважение и даже трепет.

Вокруг бильярдного стола нервно прохаживались двое игроков. Третий молча наблюдал за затянувшейся партией, стоя у полированной стойки бара. Перед ним на картонном кружочке с изображением карты России стояла пузатая рюмка.

– Алик! Своячка в лузу! – лениво произнес он, обращаясь к мужчине лет пятидесяти, крепкого сложения, с хищным сухощавым лицом.

– Только не надо говорить под руку, Витюша... – процедил Алик и, прицелившись, хлестким ударом направил шар в борт, бросив ему вдогонку: – Карамболь – второго в середину!

Шар врезался в борт, отскочил вбок и, подрезав другой шар, ушел далеко влево. А подрезанный шар резво покатился по зеленому сукну и через мгновение пойманной рыбой уже трепыхался в средней сетке.

– Партия! – провозгласил довольный Алик и в возбуждении стукнул кием о полированный борт. – Однако с тебя столыничек зелененьких, добрейший Петр Петрович.

Его соперник покачал головой и криво усмехнулся:

– Что-то непруха у меня сегодня, мой друг...

– Ты скажи спасибо, что мы с тобой играем по маленькой, Петр Петрович. – Алик поднял вверх палец. – Сто баксов – это разве сумма! В старое время люди на бильярде совхозы и заводы проигрывали. А еще был случай, когда за место в Политбюро старые партийцы бились: один шар все тогда решил, а какие последствия... Ого-го!!! Потому-то при Советах бильярд и запретили...

– А ты откуда все знаешь? – без всякого интереса спросил Петр Петрович.

– Папа рассказывал, – уклончиво ответил Алик.

Собеседник понимающе кивнул:

– Папа у тебя большой был человек...

– Это точно, – уважительно подтвердил Витя. – Царство ему небесное. – Взяв рюмку, он выплеснул в рот остатки напитка и, почувствовав, как обжигающая жидкость поползла по пищеводу, довольно зажмурился.

– В старое время, скажу я вам, любезные, – со вздохом произнес Петр Петрович, – не только бильярд – все было под запретом. Может, потому и жилось проще. Раньше оно ведь как было: строго по лозунгу «Вся власть – Советам». У тех, кто эти самые советы давал, – у того и была вся власть. А вот нынче советчиков больно много развелось. Оттого и бардак...

Алик махнул рукой:

– Ну, это ты, Петя, брось! Не советчиков много стало, а болтунов. Я так думаю, что мы трое будем покруче, чем вся наша Госдума, Кремль и губернаторы, вместе взятые! Это им только кажется, что в их руках власть... А на деле... Сам посуди...

– А на деле и нам сейчас куда сложнее стало, – покачал головой Витя, наливая себе еще одну рюмку. – Старых проверенных людей не осталось – тех, на кого можно было опереться. Академика нет...

– Того нет, зато есть другие, – с усмешкой отозвался Алик. – Академики вон куда взлетают нынче – в Кремле гнездо норуют свить!

– Ну, это ты про академиков советского разлива... Я говорю про Егора Сергеевича Нестеренко – вот это был академик высшей пробы, не то что нынешние... Все в своих руках держал. Каким могучим оркестром дирижировал. Вон какие люди под его музыку плясали. Жаль старика. Сколько уже прошло, как его в самолете взорвали?

– Да, пожалуй, около двух лет будет! – Алик нахмурился. – Нет, Нестеренко под конец сильно сдал. Все дела перекинул своему ученичку... Он нам чуть всю песню не испортил. Вместе с генералом Артамоновым. Хорошо, генерала удалось вовремя вывести из игры...

– Кстати, этого нестеренковского выкорымыша еще рано сдавать в архив, – назидательно заметил Петр Петрович. – Он, как птица Феникс, запросто из пепла возрождается. Глядишь, еще и нам пригодится. Помнишь, кто в старину Русь спас – когда пришлось звать, чтобы пришли и порядок навели? Варяги!

– Думаешь, и нам придется обращаться к «варягам»? – со зловещей улыбкой тихо спросил Алик.

– Не исключаю, – кивнул Петр Петрович и уселся в глубокое кожаное кресло в углу, знаком пригласив Алика присесть рядом. – Случайные люди полезли во власть. Да и в бизнес тоже. Чумазым не понравились итоги приватизации – они хотят все переиграть под себя. Вон нашего сибирского металлурга с шумом выпихнули из страны, в Питере в последнее время черт знает что творится – даром что город славных киллерских традиций. Раньше там царей и секретарей обкомов убивали, а теперь за бизнесменов и депутатов взялись... А с торговым флотом недавно какая там катавасия закрутилась! Слава богу, что этого выскочку младшего Гаврилова замочили. Это его папаше был хороший сигнал – чтоб знал свое место и не зарывался!

– И кого же за торговый флот нужно благодарить? – Алик расстегнул воротник рубашки и ослабил узел галстука.

– Кого же еще – Владислава Геннадьевича, Варяга нашего славного.

– Ага. Так не рано ли «варяги» пожаловали?

– Кто его знает, Алик. Но эти «варяги» нас не спрашивали. Сами пришли, как видишь.

– Так, может, это непорядок, Петр Петрович. Как думаешь?

– Не знаю. Последнее время он, конечно, странно себя ведет. Ему-то этот «Балторгфлот» на какой ляд сдался? Может, в детство впадает? С сынишкой кораблики решил попускать? Так у него для домашних забав есть оловянные солдатики, пистолетики, пулеметики, самолетики «Госснабвооружения»...

– Мне тоже, Петя, не нравится это его новое увлечение, – хмуро встрял в разговор Витя. – Он прет, как носорог, хочет всех конкурентов с оружейного рынка выдавить и явно намерен подгрести под себя вообще весь оборонный заказ. А торговый флот ему нужен для беспрепятственного вывоза оружия за рубеж. Когда круг замкнется, он будет монополистом. А нам такой монополист не нужен!

– Не нужен, верно, – кивнул Алик. – Поэтому я и предлагал Варяга попридержать. И сейчас повторяю: Варяга надо тормознуть!

– И как ты хочешь это сделать?

– Имеются интересные варианты... Но об этом потом. – Алик взглянул на часы. – У нас еще есть минут двадцать... Пока наш общий друг не пришел.

– А что, и он будет? – удивился Петр Петрович.

– Да, я его еле уговорил. Он же у нас шибко опасливый. Тени собственной боится. Ты вспомни: когда с ним разговариваешь – даже один на один, глазки так и бегают, как перепуганные крольчата. Ну, ничего, сегодня уж мы его раскрутим на полную катушку.

Алик встал, подошел к бару, взял бутылку виски и плеснул себе в низкий стакан.

– Так вот, коллеги. Нам надо срочно решать четыре проблемы. Нефтяные и газовые дела. Металл. Оружие. По нефти пройтись... Сейчас самые главные события будут на Кавказе. Из-за кавказской нефтяной трубы все передрались. Азербайджанцы, грузины, чеченцы... Ладно, пускай пока пошумят. Мы посмотрим, как дело повернется, – и эту трубу в конечном счете приберем к рукам. Боюсь, как бы не пришлось поучаствовать в маленькой победоносной войне.

– После чеченской кампании никто воевать не захочет. Ни армия, ни Госдума, ни Кремль, – возразил Петр Петрович, прохаживаясь около бильярдного стола.

– Есть варианты! – отрезал Алик. – Возможно, ситуация изменится к весне. Возможно, опять будет новый премьер... Мы можем и об этом позаботиться. Вторая проблема – металлургия. Тут полный облом – куда ни глянь. Мы только начали своих людей расставлять на крупнейших комбинатах – так там чуть ли не революции начались! Регионалы, суки, стали права качать... С ними тоже придется разобраться. Теперь оружие. Тут есть кое-какие наметки – и они связаны с возможными изменениями в нашей кавказской политике. Если там будет новая заваруха, придется генералов и ВПК подкормить. Приласкать, денежек подбросить. Именно мы и должны это сделать. Сейчас, я так полагаю, кроме нас, матушку-Россию никто не сможет отстоять. Вы посмотрите, что кругом делается. Старая гвардия ни на что уже не способна! Коммуняки полностью просрали все! А ведь их любимый Сталин кое-чего все же соображал... Все орали: железный занавес, железный занавес! А он, хитрован, просто не позволял своим красным директорам залезать в долги. Вон при Лёне Брежневе как только этот самый железный занавес чуть приподняли – сразу вся номенклатурная шантрапа поперла на Запад! Кто сейчас громче всех разоряется про утечку капиталов из России – эти самые старые коммуняки, при которых основная утечка капиталов и началась. Они же наделали миллиардных долгов, а теперь нам за них расплачиваться. Да и эти реформаторы хреновыми игроками оказались. Они-то думали, что приватизация – это как детская забава: «сорока-ворона кашу варила, этому дала, этому дала, а этому не дала». Хрен-то! Те, кому не дали, сильно обиделись... И стали готовиться к войне за передел собственности. А кремлевские ребята утратили над ними контроль. Так что надо срочно им кое-чего подсказать, а может, и подвинуть придется. Тяжко как-то стало до выборов ждать. К тому же не сегодня завтра Запад опять выставит России счет по внешним долгам, начнут гундосить, пальцы загигать. Говорить, что была тысячелетняя Россия, и на тебе – вдруг не будет.... Слава богу, толковых людей поставили вести переговоры с этими пижонами из парижских-лондонских клубов.

– Думаю, ребята у них не то что отсрочку выторгуют, они их скоро раком поставят, и как бы не случилось, что эти «клубники» нам платить будут.

– А так оно и будет. Я тут на днях с Биллом разговаривал. Он уже весь в сомнениях. Не рад, что связался, говорит, у нас с этими никто не хочет иметь дела. А я ему так и говорю: надо спасать положение. А он кивает на этого, с которым ты вчера базарил.

– И то верно. Может, его и выберем, – заметил Витюша. – А он нам поможет. У него ж на всех кремлевских обитателей по толстенной папке оперативных разработок – не зря же наши люди из спецслужбы и из ментов ему подбрасывали материал. Пускай теперь предъявляет! И долбит всю эту шушеру.

Алик покачал головой:

– Просто так не предъявит. Он хитрый, сучонок! Его самого надо нам покрепче за яйца взять. Тогда, может, что и получится.

– Так как же ты его возьмешь? – Витюша покачал головой. – Он же «незапятнанный».

На тонких губах Алика зазмеилась хищная ухмылка.

– Ну ты перегнул. В нашей стране незапятнанных не бывает. Вот и сегодня я хорошо подготовился к его визиту. Во-первых, приготовил для него его любимый «Джек Дэниэлс». – С этими словами он потряс в воздухе квадратной бутылкой с черной этикеткой. – После трех стакашков он с копыт слетит. А во-вторых, и в главных, он же у нас такой же, как твой Билл, но только – русский. Я ему такую Монику Левински приготовил! Все внутри переворачивается, а снаружи встает... И, кстати, не одну приготовил – а сразу двух! Парень не сможет устоять... Уверен. Да ты и сам можешь убедиться. Девки сейчас здесь, в гостевой, от нас команды дожидаются...

– Девки? – изумился Петр Петрович. – Какие девки?

– Какие-какие – эс-вэ-эровские. Из внешней разведки. Из спецотдела по секс-услугам. Причем из элитных кадров: все делают по высшему разряду, особенно когда трахаются перед телекамерой, и что характерно: всегда занимают нужные позиции на «съемочной площадке».

– Так ты и киномеханика привел? – Туго до Петра Петровича дошел смысл уклончивых слов Алика.

– Да, – серьезно сказал тот. – Кино будем снимать скрытой камерой. Назовем фильм «Особенности национальной предвыборной кампании»... Ничего название, а?

Петр Петрович рассмеялся:

– Ничего, пойдет. Зови девок. Наш-то герой на подходе... Через минут пять будет. Пора включать аппаратуру.

Часть I

Сибирский узник

Глава 1

Наркодопрос

Варяг с полминуты постоял на пороге в подвал, пока глаза привыкали к полутьме. Затем он рассмотрел распростертого навзничь на полу Николая Радченко. Некогда грозный авторитет-беспредельщик по кличке Колян сейчас представлял собой жалкое зрелище: зрачки у него закатились, язык вывалился, из углов рта стекали струйки слюны. Колян, не переставая, что-то неразборчиво бормотал, а сидевший над ним отставной полковник Чижевский, ныне начальник охраны Варяга, внимательно слушал это бормотание и время от времени по-деловому делал пометки в блокноте. Рядом на табурете стоял включенный диктофон. Увидев вошедшего шефа, Чижевский поднялся и негромко сообщил:

– Все в порядке. Наш клиент стал значительно разговорчивей.

При налете на особняк Варяга погибла большая часть бойцов из банды Коляна. Живьем, кроме самого бригадира, взяли четверых раненых пехотинцев: совсем еще молоденьких парней лет по восемнадцать-двадцать, которых Радченко наберновал буквально два-три месяца назад. Варяг распорядился подлечить пленников и затем с миром отправить на родину, в город Таежный.

Чижевский, лично провожавший пацанов в аэропорт, сурово глядя в глаза, сказал им на прощанье:

– Скажите спасибо, салаги, что шеф у нас человек добрый. Я бы на его месте вас всех давно похоронил где-нибудь в овраге. И похороню, если еще раз замечу в Москве.

Пехотинцы, бледные и растерянные, переминаясь с ноги на ногу, слушали наставления Чижевского молча, в душе мечтали лишь об одном: поскорее оказаться в самолете и унести подальше от страшной столицы. По большому счету, парням было глубоко наплевать на судьбу главаря, сулившего им золотые горы, а в результате приведшего на кровавую бойню.

Колян же, оказавшись в плену, вел себя вызывающе. Вначале, решив проявить характер, на требование Варяга назвать имена заказчиков налета ответил матерной бранью и добавил, хищно стреляя глазами:

– Жалко, суку твою не прибил и щенка. Погоди, мои люди доберутся еще до них. И тебе башку отрежут, как пить дать, – добавил Колян.

Варяг только пожал плечами, усмехнулся и вышел, оставив пленника в распоряжении Чижевского. Тот без лишних хитростей отдубасил Коляна резиновой дубинкой. Радченко ожидал более изощренных пыток и побои перенес играючи. Правда, его насторожило то, что по ходу избиения Чижевский ни о чем его не спрашивал.

На следующий день главный охранник явился вновь и опять пустил в ход дубину, по-прежнему не задавая никаких вопросов. Бывший чекист знал, что делал: после нескольких его посещений все тело Коляна превратилось в один сплошной кровоподтек, отбивную, готовую к употреблению. Даже легкое прикосновение теперь заставляло пленника вскрикивать от боли. Оказалось, что банальная резиновая дубинка в руках терпеливого садиста-профессионала, появляющегося через каждые три-четыре часа, делается изощренным орудием пытки.

– Чего ты хочешь, фашист? Чего тебе надо, падла? – плача и скрипя зубами от невыносимой боли, хрипел Радченко.

– Придет время – скажу, свинья, – хладнокровно отвечал Чижевский, перехватывая дубинку поудобнее. – А почему меня называешь фашистом? Потому что я не жалею тебя? А сам ты кого жалел?

Через несколько дней Чижевский решил, что настало время задавать вопросы. К этому моменту при одном его появлении Коляна начинала бить дрожь. Однако на сей раз Чижевский вместо обычной обработки дубинкой приказал пленнику лечь на диван, закатал ему рукав, перевязал бицепс резиновым шлангом, взял шприц и уверенно ввел иглу во вздувшуюся вену. Некогда грозный бригадир теперь безропотно позволял производить над собой всевозможные манипуляции. Когда поршень вытолкнул прозрачную жидкость из шприца в вену и полковник выдернул иглу, Колян откинулся на подушку и застыл в неподвижности, словно прислушиваясь к собственным ощущениям. Через пятнадцать минут по его телу пробежала судорога, за ней еще одна. Конвульсии становились все чаще, зрачки у Коляна расширились и потом закатились под лоб, голова задергалась и безвольно упала набок, изо рта, пузырясь, потекла слюна.

– Откуда ты приехал, Коля? – вкрадчиво стал спрашивать Чижевский своего подопечного.

Колян, слабо контролируя себя, не поворачивая головы, стал отвечать не слишком членораздельно, зато охотно. Чижевский же, почти не слушая ответное бормотание Коляна, продолжал задавать тому малозначащие вопросы – большую часть ответов отставной чекист, находившийся на службе у смотрящего России, знал и так. Несколько внимательнее Чижевский отнесся только к рассказу Коляна о смерти майора Громовского, хотя и предполагал, что выяснится нечто подобное.

Дверь открылась, на пороге появился Варяг и некоторое время молча слушал невнятные излияния Коляна.

– С чего это он так разговорился? – поинтересовался Варяг.

– Хорошая доза скополамина, – объяснил отставной полковник. – Есть такой незаменимый препарат – вызывает невероятную тягу к общению. Пациент у нас волевой попался, но я его волю сперва маленько подрасшатал с помощью вот этого универсального инструмента. – Чижевский кивнул на резиновую дубину. – А когда он созрел, перешел на скополамин.

Владислав понимающе кивнул. Колян продолжал что-то бормотать, словно страстно желая поделиться самым сокровенным.

Варяг покачал головой:

– Я все же не думал, что он так быстро сломается.

– Против науки не попрешь, – развел руками Чижевский. – А потом, он же беспредельщик, напроць отмороженный, а значит, личность безыдейная. Что волю укрепляет? Идейность! Некоторых идейных даже по всем правилам науки никак не расколешь. А у этого что на уме? Власть, деньги, бабы и чтоб все видели, какой он крутой. Нет, с таким моральным багажом колются быстро и до самой задницы.

– Откуда препарат? – спросил Варяг. – Связи в «конторе»?

– Нет, – улыбнулся Чижевский, – в дурдоме. Такие снадобья в психиатрии активно применяются. Некоторые психи ведь очень скрытные. Как лечить психа, если не знать, что за дурь у него в башке? Когда я ездил в последний раз за препаратами, там был один учитель истории, который отказывался от еды, а почему – никто не знал, поскольку он ни с кем не разговаривал. Он уже впал в дистрофию и того гляди мог помереть. Пришлось вколоть ему лошадиную дозу вот этого самого препарата – только тогда он рассказал лекарям, что вокруг него живут черти и запрещают ему есть и разговаривать.

– Ну и как, вылечили его? – полюбопытствовал Варяг.

– Если к человеку повадились черти, вряд ли его можно окончательно от них избавить, – рассудительно ответил Чижевский. – Во всяком случае, этому учителю внушили, что черти над ним просто подшутили и на самом деле есть ему можно. Не помрет хотя бы, и то хорошо.

Пленник тем временем примолк, словно выложив все, что знал. Чижевский наклонился к его лицу и внятно, с нажимом спросил:

– Кто такой Федор Угрюмый?

Колян встрепенулся, хрипло вдохнул и с готовностью ответил:

– Мы в одном дворе росли... чемпион по карате... в бригаде был моим заместителем... мы все дела проворачивали вместе, – зачастил Колян. Затем после минутной паузы с обидой сообщил: – Сука он. Мою жену поимел. Меня замочить хотел. Мы привели его на хату, собирались грохнуть, а он вытащил гранату... «Ф-1», и пришлось его отпустить.

Варяг и Чижевский переглянулись.

– Не врал, стало быть, Федя, – констатировал Чижевский. – Когда он вышел из подъезда, Сержант его и сцапал.

– Значит, Угрюмый поможет нам выйти на тех бойцов бригады, которые еще живы, – заметил Владислав.

– Вряд ли он знает все хаты, – возразил Чижевский. – Колян у нас скрытный, никому не верит, информацией с друзьями не делится... Слышь, Колян, где живут в Москве твои люди? Адреса называй!

И полковник ткнул пленника дубинкой под ребра. Радченко жалобно заскулил и начал перечислять адреса снятых им в столице квартир.

Однако в его помутившемся сознании пульсировала мысль: «Нельзя все говорить... Все говорить нельзя...» Последние остатки той, некогда могучей воли, благодаря которой Николай Радченко всецело подчинял себе своих бойцов, теперь помогли ему умолчать об одной хате, где он разместил полдюжины своих наиболее многообещающих бойцов, недавно прибывших из Сибири.

– Между прочим, у Коли есть шикарная дача в Переделкине, – сказал Чижевский. – А на даче у него жена Надежда и охрана. Угрюмый знает, где находится эта дача. Вот только вопрос: в курсе ли братва, что их бригадир поссорился со своим ближайшим помощником? Скажи-ка нам, Коля, охрана на даче знает, что ты Угрюмого приговорил?

– Бойцы в курсе, – прохрипел Колян. – Я ж туда Надьку с бойцами отправил. Если Угрюмый там появится, они его должны живьем взять. Валить его я разрешил только в крайнем случае.

– Надо еще узнать, какие точки в Москве они контролируют, – сказал Варяг Чижевскому, делавшему пометки в блокноте. – Эти ребята тут навели шороху... Гнома грохнули. Я же его хорошо знал – достойный был человек... Надо у Коляна выяснить, откуда этот ветер дует...

– Конечно, Владислав Геннадьевич, – кивнул Чижевский. – Я все выясню, свяжусь с людьми и постараюсь сделать все возможное, чтобы покончить с этим беспределом.

– Отлично, – сказал Варяг. – Но больше всего меня интересует, кто заварил всю эту кашу, кто привел Коляна в Москву, кто натравил его на меня.

Колян, казалось, не видел Варяга и не слышал его слов. Голова пленника лежала на подушке безвольно, словно у покойника, глаза были полузакрыты.

– Коля, – нагнувшись к нему, внятно произнес Чижевский, – это я, тот самый, кого ты называешь фашистом. Слышишь меня? Ответь мне на один вопрос. Но не заставляй меня повторять его дважды. Кто тебе заказал Варяга?

Радченко что-то невнятно и совсем шепотом забубнил. Чижевский некоторое время слушал, делая пометки в блокноте, затем повернулся к Варягу:

– Заботин Герасим Савельевич... Так я и знал, что без «конторы» тут не обошлось. Колян ведь был поначалу «конторским» кадром, его покойник Громовский завербовал. Кто бы иначе знал, что есть в городе Таежном такой способный и перспективный человек, как Николай Радченко? Громовский откинул копыта, но крючок-то остался.

– Понятно, в чем дело, – хмуро сказал Варяг. – Я целую шайку этих бывших кагэбистов попер из «Госснабвооружения». А Заботин наверняка действует не один – это на него было бы не похоже. Я предполагал, что, потеряв теплые места, эти «хлопцы» соберутся вместе и постараются мне насовать палок в колеса, используя свои связи. Но таких радикальных решений я от них не ожидал. Отморозки из города Таежного штурмуют мою дачу чуть ли не с применением артиллерии... С ума сойти можно. Вот как меняются времена!

– А какие времена, такие и методы, – пожал плечами Чижевский.

– В направлении Заботина резких движений пока не предпринимать, – распорядился Варяг. – Взять его под наблюдение и выяснить, кто входит в его компанию и каковы их дальнейшие намерения. Что касается остатков бригады нашего друга, – Варяг кивнул в сторону Коляна, – то Москву от них следует очистить, и немедленно. Если будут сопротивляться, то я бы хотел, чтобы и в Сибири о них больше не было слышно. Лишней крови я не жажду. Мне нужно только одно – прекращение беспредела.

– Будем работать, Владислав Геннадьевич, – охотно отозвался Чижевский и, кивнув на Коляна, спросил: – А с этим что делать? Может, в расход?

– Нет. Пока подержим здесь, – произнес Варяг. – Колян нам еще пригодится в качестве живца...

Глава 2

Только не убивай

Радченко открыл глаза и уставился в потолок, смутно белевший в темноте. Короткое забытие не освежило его, после дозы страшного «лекарства» он ощущал слабость, его подташнивало и периодически бросало в пот. Ломота во всем теле заставляла Коляна с ужасом вспоминать жуткую резиновую дубинку, которой его так обстоятельно по нескольку раз в день обрабатывали. К физическому недомоганию добавлялась еще и моральная подавленность: Николай прекрасно помнил, как много он выболтал накануне на допросе, не в силах противостоять воздействию подавляющего волю препарата. Он презирал себя за это, хотя и понимал свое бессилие. С ненавистью и отчаянием пленник вспоминал, как самоуверенно Варяг, его злейший враг, пообещал, что он, Николай Радченко, опытный боец, на допросе непременно расколется. Все так и произошло, слова законного не были пустой угрозой. Утешало Коляна лишь одно: он рассказал не все. Его мучители так и не узнали об основной московской хате, где оставалась команда хорошо обученных, проверенных в деле и преданных Колян бойцов. Возглавлял эту группу его давнишний кореш Андрюха Спиридонов по кличке Аспирин. Долгое время Андрюха был личным телохранителем и шофером Коляна. В последнее время крутить баранку стал другой парень, а Аспирин получил задание вести слежку за интересовавшими Коляна богатыми коммерсантами. «Главное в вашем деле – не высовываться, быть тише воды, ниже травы, – наставлял Колян другана. – Не дай бог, если кто-нибудь из вас набедокурит по пьянке – ты меня знаешь, Андрюха! Из-под земли достану!»

Да, видел бы Андрюха Спиридонов сейчас грозного и всемогущего Коляна – наручниками прикованного к трубе отопления, с бледной от недосыпания харей и ослабевшего от дьявольских препаратов.

Однако воля у Коляна была не такая, чтобы кто-то смог ее надолго подавить или подчинить на все сто. Когда допросы вдруг прекратились, Колян, едва придя в себя после уколов, принялся упорно размышлять только об одном – о побеге. Теперь его держали в обычной городской квартире – трех- или четырехкомнатной: так определил Колян по доносившимся в его комнату звукам. Сначала в квартире было довольно много людей, они приходили и уходили, что-то негромко обсуждали между собой. Из-за двери иногда слышалось бряцание оружием. Затем в квартире осталось только двое охранников. Этим, судя по всему, было поручено при пленнике находиться постоянно. Сменялись они раз в сутки. Колян слышал, как уходившие с шуточками и смешками прощались со своими товарищами и как потом возвращались после суточного отдыха, нагруженные жратвой, выпивкой и новыми видеокассетами. Пленника кормили два раза в день, аккуратно в одно и то же время.

Как только кровоподтеки от дубинки Чижевского слегка рассосались и стали проходить вызванные препаратами головная боль и ломота в мышцах, Радченко втихаря принялся делать те физические упражнения, какие были доступны в его положении с прикованной к батарее рукой. С поистине животным терпением он напрягал мышцы ног, рук, брюшного пресса, ощущая, как выходит вместе с потом переполнявшая его организм отравы и как ослабевшее тело вновь становится гибким и послушным. Когда Колян слышал шаги охранников, он тут же замирал в неподвижности, изображая полную покорность судьбе. Слушая разговоры охранников, он уже выяснил, как зовут каждого из них! Одного, темноволосого, с серьезными глазами, звали Стас. Двух других, общительного блондина и рыжего весельчака, звали Серегами. Охранники смотрели на Коляна свысока, как на идиота, который сам не знал, с кем осмелился связаться. Коляна это страшно раздражало. Совсем недавно перед ним трепетала вся Сибирь! Точно такие же пацаны, как эти – здоровые, крепкие, с накачанными мышцами, – при одном взгляде Коляна начинали трястись от страха и готовы были лезть хоть к черту в зубы, лишь бы

бригадир остался ими доволен. А эти, которые сейчас его охраняют, позволяют себе подталкивать его в спину и небрежно одергивать его на полуслове.

– Да подожди ты... Да ты достал уже, в натуре, козел, – зло говорили они, когда он сквозь зубы просил проводить его в сортир.

Но особую бессильную ярость вызывали у Коляна мысли о жене Надежде и о своем старом дружке Федоре Угрюмом. Эта парочка осмелилась крутить любовь за его спиной, а он даже не может их достойно «поблагодарить» за предательство. Надежда последнее время находилась, по распоряжению Коляна, под стражей на даче в Переделкине. Но туда теперь не сунуться – он ведь сам назвал на допросе этот адресок. Там наверняка теперь все контролируется людьми Варяга. Зато Угрюмый вполне может туда заявиться – и он снова будет трахать Надежду в его койке! Колян с ненавистью сжал кулаки: он всегда был бешено ревнив, зачавствуя ревную жену даже без всякой видимой причины. А уж такой поворот событий, когда его, Коляна, собственную жену, в его собственном доме и к тому же его закадычный друган трахает почем зря, заставлял его скрежетать зубами и до крови кусать губы.

– Не жить этой падали! – бился в бешенстве Колян. – На куски порву. Медленно-медленно буду заживо сдирать с него кожу и отрезать поганое мясо с ублюдка, посмевшегося прикоснуться к Надьке. А эту шалаву за матку подвешу, будет, падла, помнить своего мужа законного.

Но чтобы свершилась справедливая кара, надо было сначала придумать, как выбраться на свободу. Колян и думал об этом упорно, часами, дни и ночи напролет.

Какие средства для побега может использовать человек, все жизненное пространство которого измеряется радиусом, равным длине руки, прикованной наручниками к металлической трубе, выступающей из стены? Можно сказать, что никаких. И все же звериное упорство Коляна сыграло свою роль: решив ощупать свое ложе сбоку и снизу, он вдруг почувствовал под пальцами что-то металлическое, начал шарить настойчивее, свесился с дивана, насколько позволяли наручники, и наконец понял, что диванная обивка снизу пристегана к деревянной раме частыми проволочными стежками. Колян выбрал одну такую проволочную скобку, до которой ему было легче дотянуться, и принялся ее методично распатывать. Дверь в его комнату была открыта. Охранники специально открывали ее, чтобы пленник был на виду. Но сейчас в этом имелись и свои преимущества: Колян прекрасно слышал все звуки в квартире, и к его комнате никто из охранников не мог подойти внезапно. К тому же охранники, успокоенные его видимой вялостью, заглядывали к нему крайне редко: они все время смотрели в гостиную видак, болтали по телефону или листали журналы. В другое время Колян и сам с удовольствием помусолил бы «Плейбой» или посмотрел бы крутой боевичок. Однако сейчас ему было не до того – все его мысли теперь занимала маленькая проволочная скобка, которую он ни на минуту не оставлял в покое. Заслышав шаги, он выдергивал руку из-под дивана и безвольно свешивал ее к полу. К счастью, от долгих занятий кикбоксингом и сопутствующими этому виду спорта физическими упражнениями пальцы Коляна приобрели железную крепость, а кожа на них огрубела. Через много часов упорного труда Колян наконец ощутил, что между скобкой и обивкой дивана образовался небольшой зазор, так что скобку уже можно было поддеть пальцем. Пленник тихонько засмеялся от радости, но тут же вздрогнул и покрылся испариной от ужаса, с опозданием услышав приближающиеся к двери тихие шаги. На пороге выросла фигура Сереги Белого, как Колян про себя называл блондинчика. Пленник, словно подстреленный, в последнюю секунду безвольно распростерся на диване и, прикрыв глаза, стал тайком наблюдать за охранником. Серега был в носках, потому-то Колян и не расслышал его шагов и даже не успел убрать руку – она по-прежнему свешивалась с дивана. Впрочем, можно было подумать, что пленник раскинулся во сне. Серега так и подумал, не усмотрев в позе Коляна ничего необычного.

– Эй, ты сегодня что-то не ссал совсем, – обратился он к Коляну. – Давай сейчас иди, а ночью нас не хрена подымать...

– Не хочу! – буркнул Колян в ответ, желавший сейчас лишь одного, чтобы охранник поскорее убрался из комнаты.

– Ну, не хочешь, как хочешь, – пожал плечами парень. – Тогда придется тебе на диван мочиться. Я крепко сплю. А Стас тебя из принципа не поведет после отбоя... У него с этим делом строго: режим превыше всего.

Серега вышел из комнаты. Колян слышал, как он сначала заговорил о чем-то в гостиной со Стасом, а затем прошел в спальню напротив и стал укладываться там на ночлег. Стас, как и положено дежурному караульному, спать, видимо, не собирался. На паркет в коридоре из гостиной падал отблеск света. Потом до Коляна донеслась приглушенная музыка. «Это хорошо: слушай, слушай, – злорадно усмехнулся Колян. – Зато кое-что другое ты точно не услышишь».

Скобка расшатывалась все больше и больше, и наконец Колян почувствовал, что еще одно небольшое усилие, и он сможет вырвать ее из рамы. Однако с этим он решил повременить. Он полагал, что сумеет сделать из скобки отмычку и открыть наручники, но что потом? Он не побоялся бы сойтись с двумя охранниками в рукопашном бою, но не сейчас, когда его тело все еще было ослаблено, а противник вооружен. Если ему удастся застигнуть врасплох сначала одного, а потом другого, то он их, конечно, одолеет. А если внезапно подкрасться к ним не получится? Что тогда? Колян в тысячный раз обвел взглядом комнату. Будучи опытным бойцом, Колян знал, что самый безобидный на первый взгляд предмет в умелых руках может стать грозным оружием. Однако в его комнате, кроме дивана и эстампа на стене, никаких других предметов не наблюдалось. Ни тебе стульев, ни шкафчика – ничего! Лишь сплошные голые стены. Занавески на окне и те висели не на карнизе, а на какой-то позорной леске, которая даже на роль удавки не годилась. Колян призадумался. «Нападать без оружия на двух обученных вооруженных охранников – слишком рискованно. Но ждать дольше также безумие. Чего ждать? Пули в башку! Ты им уже все рассказал. Живым ты им больше не нужен. А значит, действовать нужно не откладывая».

Произнося этот внутренний монолог, пленник в который раз остановил взгляд на висевшем над диваном эстампе – японском пейзаже под стеклом в металлической рамке. На улице и в комнате было темно, и стекло на стене мягко поблескивало в свете уличного фонаря. И вдруг Коляна осенило: «Как же я раньше об этом не подумал?» Ловким движением он закинул ноги на стену, но до картины не достал. Тогда он стал отжиматься на руках, дотянулся до эстампа босыми ступнями и нащупал пальцами ступней шнур, на котором висел японский пейзаж. Колян уже снял картину с гвоздя, как вдруг из гостиной сквозь бормотание телевизора послышались шаги. Пленник замер в самой невероятной позе. Покрывшись холодным потом, он стоял в стойке вниз головой и напряженно прислушивался. Охранник подошел к телевизору, переключил программу и снова сел в кресло, зашуршав газетными листами. Колян перевел дух и осторожно опустился на диван, одновременно плавно спустив вниз висевшую на пальцах ног картину. Переведя дух, Радченко засунул картину под колени, аккуратно нажал на стекло, одновременно перевернувшись на скрипучем диване и закашлявшись. Стекло глухо хрустнуло. Но этот звук потонул в скрипе пружин и глухом кашле. Колян замер. В соседней комнате охранник не выразил никакого беспокойства. Пронесло. Колян поднял покрывало и осторожно высвободил из металлической рамки стеклянные осколки. Затем он медленно сдвинул металлический прямоугольник таким образом, что все его стороны сложились в прямую линию. Теперь в его руках оказалась сдвоенная полоска металла длиной около метра, место сгиба напоминало острый наконечник копья. Обернув «копье» наволочкой от подушки, Николай спрятал свое самодельное оружие под себя. Опустив руку под диван, он одним движением вырвал заготовленную скобку из деревянной рамы и, довольный результатом, поднес ее к глазам. «Отлично, просто великолепно!» Эта маленькая стальная проволочка теперь была его надеждой и спасением.

Колян сунул проволочку в рот и зубами принялся сгибать ее концы, придавая ей форму отмычки. Когда самодельный «ключ» был готов, он с замирающим сердцем сунул его в замок наручников, и... тот открылся с такой готовностью, что Колян даже сначала не поверил и инстинктивно ощутил легкое разочарование, тут же сменившееся диким восторгом: «Свобода!» Он больше не прикован к этой чертовой трубе – после стольких часов вынужденного плена. Чувства переполняли Коляна. Ему хотелось кричать от радости. «Спокойно, спокойно, – сказал он себе, сдерживая ликование, – торопиться нельзя. Будет особенно обидно лопухнуться сейчас. Тогда тебе уж точно хана».

Он осторожно, по одному, переложил осколки стекла на другую сторону своей постели, к стене. Медленно спустил ноги на паркет, мягко соскользнул с дивана, присел на корточки и прислушался. В гостиной в конце коридора все так же работал телевизор, передавали программу новостей. Радченко, крадучись, приблизился к дверному проему, пересек коридор и затаился у двери в спальню. До его слуха донеслись слова телекомментатора:

– Одно событие стоит особняком в сегодняшней столичной криминальной сводке... В квартире семь дома номер 360 по 3-й Радиаторской улице обнаружены четыре трупа. Все четверо молодых парней были приезжими из сибирского города Таежный. По сведениям органов МВД, убитые принадлежали к крупнейшей и самой опасной в регионе преступной группировке...

Колян знал квартиру на 3-й Радиаторской – в ней жили именно его бойцы. Этот адрес он как раз назвал на допросе. А вот теперь наступила развязка. Никаких угрызений совести или чего-то подобного Колян не испытывал: во-первых, против лома нет приема, а во-вторых, хрен с ними, других наберет! Пацаны были всего лишь пушечным мясом. Такого добра, как эти мускулистые дебилы, по России пруд пруди. Неужто он, Николай Радченко, будет убиваться из-за всякого говнюка. Одним больше, одним меньше, только-то и всего. Другое дело, что был нанесен весьма существенный удар по его самолюбию, враг ступил на его территорию, замахнулся на его власть. Ну что же, Радченко никому обиды не прощал. Расправа над его бойцами – это еще одна пощечина, еще одно унижение, нанесенные ему лично. Сердце Коляна еще сильнее налилось кровью. Мстить, убивать, резать. Начинать нужно прямо сейчас.

Колян не мог знать о разговоре, который состоялся у Варяга с Чижевским после разборки на 3-й Радиаторской.

– Грязная работа, – недовольно сказал Варяг. – Этих парней не обязательно было убивать.

– Владислав Геннадьевич, это же отморозки, – оправдывался Чижевский. – С ними ведь и не поговоришь по-человечески: чуть что – за пушки хватаются. Правильно вы решили выдавить их из Москвы.

– Не надо грубой лести, – поморщился Варяг. – Мы ведь ясно договаривались – без лишней крови. Может, эта шпана и получила по заслугам, но вы только посмотрите, какой поднялся кипеж! Милиция на ушах стоит – еще бы: четыре трупа, и убийцы ускользнули прямо из-под носа! Такие дела в архив не сдаются. Менты будут долго копать, и неизвестно еще, что они там нароют. А если бы этих ваших горе-киллеров взяли по горячим следам?

Чижевский молчал и только сокрушенно вздыхал: крыть ему было нечем.

– А где ваши хваленые «грушники»? – после паузы спросил Варяг. – Те если и мочат, то без шума и пыли.

– Я им поручил наблюдение за Заботиным, – ответил Чижевский. – Сами понимаете – объект сложный, подходы к нему затруднены... Там нужны профессионалы.

– Это верно, – согласился Варяг. – Но и для силовых акций, как видите, нужны профессионалы, а не мясники. Все понятно?

– Так точно! – по-военному отозвался Чижевский.

Колян, весь трепеща от ненависти и предвкушения мести, бесшумно приоткрыл дверь и проскользнул в спальню. Охранник спал, развалившись на кровати. Он дышал глубоко и ровно. Во мраке смутным пятном белело его лицо. Колян плавно приблизился к спящему, перехватил поудобнее свое оружие и примерился для удара. Серега неожиданно завожился, зачмокал губами, и Колян на мгновение замер. Убить этого «быка» он должен был без шума, одним ударом, чтобы не разбудить второго охранника. Перевернувшись, спящий опять притих. И тогда Колян аккуратно нацелил свое самодельное копье ему прямо в глаз, через секунду обрушив на спящего тяжесть всего своего тела. Раздался негромкий чавкающий звук. Горячая струйка крови хлестнула Колянну в лицо. Тело жертвы резко вздрогнуло, руки на мгновение вскинулись, но тут же бессильно упали плетями вдоль туловища. Самодельный дротик проник в мозг. В момент удара Колян левой рукой зажал рот жертвы, чтобы умирающий не мог вскрикнуть. Убийца ощущал, как в агонии подергиваются ноги охранника, как по его постепенно слабеющему телу прокатываются затухающие судороги. Наконец Серега вздрогнул последний раз и затих, расслабившись.

Радченко вырвал свое оружие из страшной изуродованной глазницы, испытывая непонятное острое чувство наслаждения и страстное желание убивать безо всякой пощады. Мягко, по-кошачьи ступая, из спальни он выскользнул в коридор и вдоль стены на цыпочках добрался до угла, за которым была расположена гостиная. По звуку он определил, где находится телевизор и где должен сидеть перед телевизором Стас. Оттолкнувшись от стены и обогнув угол, Колян молча ворвался в гостиную. Так и есть, Стас, с сигаретой в одной руке и бокалом пива в другой, безмятежно сидел в кресле, положив ноги на стул. Увидев забрызганного кровью Коляна, он не успел ни осознать, что происходит, ни даже испугаться. Лишь в последний момент он протестующе дернул головой, и острие самодельного копья распороло ему щеку. Стас инстинктивно закрыл руками лицо, а Колян продолжал, целясь ему в голову, с остервенением наносить удар за ударом. От боли и от смертельного страха охранник, видимо, утратил способность соображать и только закрывался изувеченными руками, забыв о пистолете в подмышечной кобуре. А Колян с яростным злобным рычанием схватил Стаса за руку и мощным рывком вырвал его из кресла. Громко хрустнули суставы, парень вскрикнул от боли. Но Колян мощным ударом в голову тут же заставил его замолчать. На мгновение охранник потерял сознание и расслабленно раскинулся на полу. Колян отшвырнул в сторону окровавленный «дротик», выхватил из кобуры поверженного противника пистолет, не задумываясь, дослал патрон в ствол и навел его на распластавшегося на полу Стаса. Тот с трудом разлепил глаза, блеснувшие на окровавленном изуродованном лице, и пробормотал дрожащим голосом:

– Нет. Не убивай... Уходи... Но только не убивай.

– Что ж ты, сука, обосрался сразу? О чем ты думал, когда шел на такую работу? – с издевкой спросил Колян. – Думал, тебе одни лохи будут попадаться? Нет, братан, пришло время отрабатывать зарплату! Ща я тя мочить буду!

Распластавшийся на полу Стас в отчаянии попытался сделать противнику подсечку, но Колян извернулся и злорадно засмеялся:

– Ага, пацан! Вижу, тебе неохота помирать? Мне тоже неохота. Но тебе повезло на этот раз меньше, чем мне.

Он сорвал с кресла покрывало, свернул его в комок и, приставив к стволу, выстрелил Стасу в колено. Несчастный дико вскрикнул, а Колян лишь рассмеялся.

– Нет, сразу ты не помрешь. Будешь подыхать долго, хочешь, это продлится столько же, сколько я провалялся на вашем вонючем диване!

Глухо стукнул следующий выстрел, и от второго колена жертвы полетели кровавые клочья. Стас разинул рот и попытался позвать на помощь, но голос его сорвался от ужаса. Колян рассвирепел:

– Ты чо, орать решил? Удовольствие мне решил испортить? Получай!

Колян всадил очередную пулю в печень жертвы. Стас застонал и согнулся на полу, повернувшись на бок.

– Теперь ты сдохнешь, но не скоро, – с удовольствием заметил Колян. – Но сдохнешь обязательно. День-другой сначала помучаешься. А потом канты тебе. И еще получишь от меня сюрприз, чтоб не так вертелся.

Следующий выстрел Коляна раздробил парню тазобедренный сустав.

– А-а-а-а! – завывал, обезумев от боли, Стас, пытаясь приподняться на локтях.

Слезы на его лице смешались с кровью. Глаза умоляюще смотрели на палача. Но Колян лишь усмехался:

– Ага, достал я тебя, пацан! А ты, гнида, тоже ведь меня достал, когда в сральник по ночам не хотел водить. Ну лежи, отдохни маленько теперь, а я подожду твоего третьего дружка. Скоро он подойдет. Я с ним тоже душевно поговорю, можешь не сомневаться. – Колян пнул свою жертву прямо в кровоточащую рану, и Стас, издав отчаянный хриплый вопль, потерял сознание.

Колян присел на подлокотник кресла:

– Ничего, сейчас очухаешься.

Через полчаса он услышал, как в подъезде загудел лифт. Вообще-то Серега Рыжий должен был явиться на смену утром, но Колян привык доверять своим предчувствиям. Он поднялся и неторопливо направился в прихожую.

Было слышно, как на лестничной площадке с шумом отворились двери лифта, по ступеням послышались шаги, и в квартире раздался звонок. В ответ из гостиной прозвучал страдальческий стон очнувшегося Стаса. Колян почти неслышно пробежал обратно в гостиную и, не раздумывая, ударил Стаса рукояткой пистолета по голове. Тут же одним прыжком вернулся к двери и припал к «глазку». Перед дверью и впрямь стоял Серега Рыжий. Никаких звуков в квартире, судя по всему, он не слышал. Колян приоткрыл дверь и отступил в сторону. Серега шагнул в прихожую со словами:

– Решил тут заночевать, только сейчас освободился, а домой, в Красногорск, неохота ехать...

К груди Серега прижимал пакет с покупками. Он не успел ничего понять, не успел даже посмотреть на Коляна.

– Заходи, заходи, гость дорогой, – злобно произнес тот и со всей силы ударил охранника в висок рукояткой пистолета.

Серега осекся на полуслове, ноги у него подкосились, и он, выронив пакет, ничком рухнул на пол. Звонко хрустнула разбитая бутылка, и вокруг лежащего стала растекаться лужа пива и крови. Колян приподнял Серегу за шиворот и заглянул в его бессмысленные глаза.

– Что, пивка захотелось? – прорычал он. – Ну, тогда лакай!

И он с силой швырнул охранника лицом в лужу. Тот застонал от удара и сделал попытку приподняться. По его лицу, порезанному бутылочными осколками, и из виска сочилась кровь.

– Неужели расхотелось пива, браток? – ухмыльнулся Радченко.

Он обошел лежащего, выбирая позицию поудобнее, и встал у изголовья.

– Погляди на меня, сучонок! – приказал Колян. – Запомни, как я выгляжу, чтоб узнать на том свете!

Серега приподнял залитое кровью лицо, и в ту же секунду Колян провел свой коронный удар пяткой в подбородок. Хрустнула раздробленная челюсть, рот Сереги перекосялся, он закашлялся, выплевывая сгустки крови и выбитые зубы. Колян не спеша примерился и другой пяткой нанес удар в правый висок. Голова жертвы затрещала, резко мотнулась в сторону и затем безвольно брякнулась в лужу пива и крови.

Колян подождал немного, но парень не подавал признаков жизни. Заметив поползшую из уха струйку крови, Колян пожалел, что перестарался. Можно было бы еще побезобразни-

чать. Он склонился над лежащим и потрогал пальцами его шею. Пульс был, но слабый. Колян выпрямился и вздохнул – продолжать экзекуцию над бесчувственной жертвой не было смысла. Он перевернул Серегу на спину и, оставляя мокрый след, выволок его на середину гостиной, где было посветлее. Глаза у парня закатились, по изрезанному лицу и из углов приоткрытого рта текла кровь. Радченко пошел на кухню и там в ящике стола нашел тяжелый секач для рубки мяса. Вернувшись в гостиную, он присел на корточки, взял жертву за волосы, провел ладонью по шее с торчащим кадыком. И медленно поднял секач...

Глава 3

Как я скучала

В последнее время Варяг нечасто ездил за город к семье, предпочитая ночевать либо в своей московской квартире, либо прямо в офисе. Нет, он не отдалился от жены – отношения у них были очень теплые, они по-прежнему любили друг друга. И тем не менее Варяг физически ощущал исходявшие от Светланы волны тоски и депрессии. Консультаций с психологами ему не требовалось – он и без того понимал, что Светлана просто устала от всего, что происходило вокруг их семьи, измаялась настолько, что даже не хочет больше выяснять с мужем отношения и требовать каких-то перемен в их совместной жизни. Кажется, совсем еще недавно ей довелось пережить страшные события в США, когда ее с сыном похитил итальянский мафиози. Потом то же самое она пережила уже в России, пробыв вместе с маленьким сыном несколько месяцев в заложниках у Шрама. А буквально пару недель назад ей пришлось бежать ночью из собственного дома в лес по подземному ходу. Могла ли она после всего этого обрести покой, живя с постоянным ощущением витающей вокруг опасности? Высокий забор, пуленепробиваемые стекла, телекамеры наружного слежения, повсюду охрана... А ведь Олежке в сентябре предстояло пойти в школу – как он будет выглядеть среди товарищей в окружении мордоворотов с пистолетами под мышкой? Да и сама Светлана – ради чего она должна хоронить себя в крепости, воздвигнутой ее мужем для защиты от бесчисленных врагов? Однако даже себе она уже не задавала этих вопросов – подавленная атмосферой страха и вражды, в которой ей постоянно приходилось пребывать в последние годы, она погрузилась в какое-то странное оцепенение, когда человек живет словно по привычке. Она не перестала следить за собой и заниматься сыном, однако бросила читать книги, слушать музыку, уходила от серьезных разговоров и вообще старалась избегать всякого душевного напряжения. Варяг не сразу заметил, что с женой творится неладное, а когда заметил, то с горечью ощутил собственное бессилие. Ситуация вокруг него складывалась таким образом, что он не мог изменить свой образ жизни, так угнетавший Светлану. Он не мог избавить жену и сына от утомительной повседневной и всечасной защиты и опеки, потому что слишком любил их и опасался за их жизнь. Если бы его семья оказалась недостаточно надежно защищена, он и сам чувствовал бы себя беззащитным. Допусти он сейчас ослабление мер предосторожности, и ему вскоре пришлось бы спасать семью из рук новых похитителей-убийц, вместо того чтобы заниматься делом. Поэтому, сочувствуя жене, он не мог в то же время ничего изменить, и в этом вопросе он в очередной раз решил положиться на судьбу.

Но была и еще одна причина, которая не давала покоя Владиславу и накладывала серьезный отпечаток на его отношения с супругой. Возможно, Светлана о чем-то догадывалась, хотя он никогда не давал ей ни малейшего повода узнать о том, что у него помимо сына Олежки есть еще дочь Лиза от Вики, дочери академика Нестеренко. Вика погибла из-за него, Варяга, два года назад. Ее он не смог уберечь. Светлана ни разу в жизни не видела эту женщину. Вместе с тем Владислав понимал, что, обладая таким тонким женским чутьем, Светлана не могла не подозревать о какой-то его сердечной тайне. Но, безумно любя своего мужа, будучи ему преданной, она прощала ему некоторую неискренность и никогда, ни при каких обстоятельствах не задавала ему лишних вопросов, не вынуждала его откровенничать на болезненную тему.

Сегодня, впервые за два последних месяца, Владислав решил съездить повидаться с Лизонькой. И хотя он не был сентиментальным человеком, обычно в таких поездках он вел машину сам, желая побыть наедине с собой, подумать о столь сложных, порой непостижимых, жизненных тонкостях, вспомнить о погибшей Вике, его любимой женщине, которую он так и

не смог сделать счастливой. О поездках Варяга на Никитину Гору обычно не знал никто, даже его личная охрана.

Но сегодня Варяг считал такой риск неоправданным и ехал в сопровождении джипа с вооруженными до зубов телохранителями. У поворота на Никитину Гору жемчужно-серый «Мерседес» сбавил скорость, свернул с шоссе и неторопливо покатил по узкой асфальтированной дороге между двумя рядами старых тополей к видневшемуся в отдалении дачному поселку.

Старая советская элита начала строить в подмосковном лесу дачи на Никитиной Горе еще в начале тридцатых годов, и теперь железные крыши и краснокирпичные стены с трудом можно было разглядеть среди мощных разросшихся елей и берез. И хотя оставленным на участках лесом многие обитатели поселка втихаря пользовались для постройки разных подсобных помещений – бань, сараев, беседок, – однако лес, казалось, и не думал редеть.

Здесь в поселке всегда было свежо, как в самом настоящем лесу. Варяг въехал на главную аллею. Его глазам предстали один другого краше старые деревянные особняки, скрытые лесом от тех, кто обычно проезжал поселок стороной по трассе. Время, казалось, не имело власти над этими домами: дерево, из которого они были сработаны, оставалось звонким, сухим и не подверженным гниению, их печи и камины упорно не желали засоряться и дымить, а крыши – ржаветь и протекать. Умела строиться старая советская номенклатура. Однако время все равно берет свое. Поселок сохранился, но о прежних могучих его обитателях теперь напоминали лишь несколько громких фамилий владельцев дач. Правда, потомки бывших гигантов являлись зачастую ничем не примечательными гражданами. Большинство отпрысков славных предков вели отнюдь не роскошный образ жизни: кое-кто из них просто вдрызг спился и обнищал, а некоторые промышляли лишь тем, что брали к себе на лето постояльцев за деньги. Уже с конца пятидесятых начался медленный процесс смены обитателей знаменитого поселка: первоначальные владельцы дач один за другим умирали, их наследники вступали в браки и производили на свет многочисленное потомство, жадное до собственности. Получив дачу в наследство, они неустанно дробили земельные участки, чаще всего с целью последующей продажи и дележа вырученных денег. Особенно быстро этот процесс пошел с наступлением эры «дикого капитализма», к которой избалованные отпрыски именитых родителей приспособиться не смогли. Учиться чему-либо смолоду у них не возникало ни нужды, ни желания. Бороться за свое существование их жизнь не научила. И они вдруг оказались абсолютно не приспособленными к жизни, стоящими на ее обочине.

Варяг не испытывал особой любви к титанам мрачных времен, но их мелкотравчатые отпрыски внушали ему презрение.

Точно так же не питал он симпатии и к шантрапе из «новых русских». В последние годы в окрестностях городов, а в особенности столицы, стали как грибы вырастать престижные особняки. На дорогах замелькали роскошные иномарки, на которых разъезжали сытые, вальяжные молодые мужчины и разодетые смазливые девушки. Но и среди этой новой породы скоробогачей Варягу тоже нечасто приходилось видеть достойных людей. «Новых русских» Варяг повидал предостаточно: как правило, для большинства из них жизненным двигателем являлась неумная страсть к наживе, а средствами для удовлетворения этой страсти – полная бессовестность, беспринципность, наглость, эгоистичность. Конечно, встречались иные, но Варяг рассматривал их как исключение из правила.

Новые обитатели Никитиной Горы, куда он приезжал к дочери, ему не нравились категорически. Помимо всего прочего, он предполагал, что какой-нибудь любитель престижной недвижимости по соседству вполне мог положить глаз на дачу академика Нестеренко, а уж как «новые русские» умеют добиваться поставленных целей, Варяг знал прекрасно. Цели их так или иначе сводились к тому, чтобы хапнуть побольше, и в своей борьбе за большой кусок эти выкормыши переходного периода становились беспощадны и не гнушались никакими методами.

А здесь чисто внешне ситуация, казалось, весьма благоприятная: живут себе на большой даче маленькая девочка с пожилой женщиной. Сначала претенденты попробуют эту безобидную парочку соблазнять деньгами, потом в ход пойдут угрозы, затем натравят местных продажных чиновников, потом...

Варяг скрипнул зубами в гневе, но быстро опомнился. «Ничего еще не случилось, – урезонил он себя, – дача находится под постоянным наблюдением, и никаких инцидентов пока не зафиксировано». Генерал ФСБ Василий Васильевич Тарасов, друг покойного академика Нестеренко, пообещал Варягу обеспечить прикрытие дачи, и, судя по некоторым признакам, прикрытие обеспечивалось вполне профессионально – неприметно, но грамотно. К примеру, дачу, стоявшую через улицу напротив, сняла на лето какая-то семья: потом генерал через третьих лиц передал Варягу, чтобы он не волновался – это тоже часть прикрытия. Варяг понимал, конечно, что в первую очередь генерала волнует не судьба девочки Лизы и наследной домоправительницы Вали, а безопасность той части российского общака, которая хранилась в подполье заброшенной баньки на даче покойного академика Нестеренко. Генерал был человеком абсолютно осведомленным и весьма опытным. Он прекрасно осознавал, что никому в подлунном мире не дано посягнуть на святая святых для многих сотен эков. Общак неприкасаем. Если бы кто-нибудь попытался наложить на него лапу, его бы убили или воры, или собственные помощники – в самом лучшем случае ему пришлось бы всю оставшуюся жизнь бегать от возмездия, пугаясь собственной тени, и все равно когда-нибудь, рано или поздно, кара настигла бы безумца в какой-нибудь глухой подворотне или собственной квартире. Реквизировать ценности и сдать государству было бы вдвойне глупо – государство их оприходует, скажет спасибо, а хранители общака или их дружки все равно такого вероломства не простят и будут жестоко мстить не только тем, кто посягнул на святыню, но и их родственникам до седьмого колена. Зато охранять общак значит в какой-то степени даже стать его совладельцем – получаешь право требовать платы за услуги, финансовой помощи, кредитов... Собственно, Варяг был совсем не против такого сотрудничества с генералом могучей спецслужбы – напротив, он даже благодарил судьбу за то, что все так случилось и покойный академик отдал в свое время общак на такое попечение. Как всегда, Нестеренко все правильно рассчитал.

Варяг остановил «Мерседес» у ворот знаменитой дачи. За «Мерседесом» тут же подкатил джип с охраной, из которого вышли крепкие ребята и стали привычным профессиональным взглядом осматриваться по сторонам.

– Папа, папа! – раздался вдруг звонкий крик.

Хлопнула дверь на веранде, Лиза почти скатилась с крыльца и, чудом не упав, опрометью бросилась к калитке. Владислав быстро выбрался из машины и, поспешив навстречу дочери, подхватил ее на руки. Девочка крепко обняла его за шею, и он почувствовал, как взволнованно бьется ее сердце.

– Тетя Валя! Папуля, папуля приехал!

Варяг через плечо видел, как от дома к калитке, с ключом в руках, поспешает, улыбаясь, пожилая женщина.

– Это же папуля, тетя Валя! А мы сегодня твои любимые пироги пекли. Специально для тебя.

Лиза уткнулась носиком в отцовскую шею и еще сильнее обняла его руками. Ее радости не было предела.

– Ну-ну, отцепляйся, зайчик, а то совсем задушишь, – пробормотал Варяг, смущенный этой душещипательной сценой, происходившей на глазах немало удивленной охраны. Казалось, Лиза поняла его смущение, потому что послушно разжала объятия, соскользнула на землю и требовательно спросила, глядя на него снизу вверх:

– Ты почему долго не приезжал? Ты же знаешь, как я скучала.

– Занят был, прости. – Варяг погладил ее по светлым волосам. В присутствии Лизы он всегда чувствовал себя виноватым и с большим трудом это скрывал. – Я тебе тут привез кое-что...

– Да ладно! – великодушно отмахнулась Лиза. – Я потом посмотрю. Пойдем лучше в дом. Мы тебя пирогами будем угощать. – Лиза схватила Владислава за большой палец и потащила к дому. Потом вдруг вспомнила о спутниках ее отца и по-взрослому многозначительно уточнила: – А это твои помощники, да? Пусть они тоже идут. Я буду вас всех кормить.

– Да уж, пожалуйста, – сказал Варяг, – мы специально с утра не ели. Знали, что ты обязательно чего-нибудь вкусненького приготовишь.

– Я не одна, я с Вале́й готовила, – честно призналась Лиза.

Вале́я тем временем отомкнула замок на воротах.

– Здравствуй, Владислав, – поздоровалась она с Варягом, пока дюжие охранники открывали ворота. – А Лиза сегодня заставила меня читать ей поваренную книгу – все хотела научиться что-нибудь повкуснее приготовить. Сама-то она читает еще плоховато... А вот вместе мы очень даже хорошо справились.

– Сколько хлопот я вам, оказывается, доставил, – заметил Владислав. – В следующий раз буду приезжать без звонка.

– Нет! Со звоном! Обязательно со звоном! – громко запротестовала Лиза, так что у Варяга зазвенело в ушах. Маленькую Лизу ужаснула даже сама мысль о том, что придется лишиться такой замечательной игры – приготовления пищи для усталого голодного мужчины, ее любимого папки. Было забавно наблюдать пробуждение женских инстинктов в этом маленьком существе. – Вале́я, нам же не трудно! Наоборот, даже весело! Ну скажи, скажи ему!

– Конечно, Владик, нам это только в удовольствие, – вступилась Вале́я за свою воспитанницу. – На двоих-то нам вроде смысла нет что-то особенное готовить, а когда ты приезжаешь, тут уж мы разворачиваемся... Особенно Лизуна.

– И Вале́я тоже! – воскликнула Лиза с присущим ей великодушием, которое Варяг в ней с радостью замечал. Вот и сегодня по телефону она забавно так сказала: «Давай и для ребят приготовим, – называя взрослых здоровенных парней „ребятами“, – для твоих помощников».

– Правильно, – ответил Варяг, – давай и для них, а то ребята все время бутербродами питаются. Пусть знают, как готовит моя дочь.

Они шли по дорожке к крыльцу. Лиза व्यюном вертелась около отца, обращая его внимание на разные мелкие изменения, которые произошли на даче в его отсутствие. Охранники тем временем загнали обе машины во двор. К папиному «Мерседесу» Лизонька была равнодушна, зато джип являлся предметом ее восхищения. В прошлый приезд Варяг целый час объяснял Лизе, для чего служат разные кнопки на огромной панели управления заморской машины. Он делал это с удовольствием, относясь к дочери с большой нежностью и любовью. И тем не менее старался не баловать ее, памятуя о том отвращении, которое внушали ему избалованные отпрыски богатых родителей. Наказывать Лизу даже за самые серьезные шалости у Варяга не поднималась рука. Тем более что дочь с каждым днем все больше и больше напоминала ему свою мать, покойную Вику, женщину, которую он боготворил при жизни, страстно любил, хотя и не смог сделать ее счастливой.

Варяг чувствовал, что девочка всей душой и изо всех сил тянется к нему, стремится понравиться вновь обретенному отцу, боится его потерять. Варяг догадывался, что Лиза уже перестала верить в байку об отъезде мамы в какие-то дальние края. Хотя сама девочка вопросов не задавала, а заводить с ней разговоры на эту тему никто не решался. В отсутствие матери домработница Вале́я была для ухода за ребенком золотым человеком – всем сердцем любя Лизу, она умудрялась и не баловать ее, и не ссориться с нею. Варяг частенько думал с тоской о том, что он перед Вале́й в неоплатном долгу – эта женщина во многом заменила его дочери мать, причем совершенно бескорыстно: Вале́я мягко, но решительно отказывалась от

всех форм вознаграждения, которые предлагал Варяг. Она жила в коммунальной квартире со старушкой-соседкой, но переезжать в отдельную квартиру по предложению Варяга не захотела.

– Я к Марье Николаевне привыкла, мы с ней дружим, – говорила Валя. – Да и зачем мне отдельная квартира? У меня ведь и работа такая, что я живу все больше на работе, а не дома.

Когда Варяг сделал попытку увеличить Вале зарплату, та возмутилась:

– Да куда мне столько? Живу на всем готовом, сестре с племянницей помогаю, родне в деревню посылаю...

Увидев, что женщина сердится всерьез, Варяг оставил свои попытки и лишь время от времени делал Вале подарки, принимая которые пожилая женщина смущалась, как девочка.

– Как дела, Валя? – спросил Варяг, когда в веселом щебетании Лизы наступил секундный перерыв.

– Да как сказать... – замялась хозяйка. – Неважно, вообще-то, Владик.

– Что такое? – насторожился Варяг. Обычно на этот дежурный вопрос следовал такой же дежурный бодрый ответ: «А что нам делается».

– Лиза, беги в дом, накрывай на стол. Чего зря трещишь, все есть хотят, – сказала Валя и подождала, когда девочка вбежит по ступенькам на крыльцо и, распахнув входную дверь, с шумом ворвется в дом. – В больницу я ложусь, с сердцем что-то не в порядке. Перебои начались – то оно вдруг будто совсем остановится, то застучит как бешеное. Я тут ночью совсем перепугалась, поехала в полуклинику, так мне там сказали: «Срочно в больницу». Надо подлечиться. Но вот не знаю, как быть, как же вы тут без меня?

Словечко «полуклиника» на сей раз не рассмешило Варяга.

– Но что именно врачи сказали? – с беспокойством спросил он.

– Да разве я в этом понимаю? Кардиограмму сделали и направление выписали в больницу. Я читала эту бумагу, да не поняла ничего.

– Н-да, – нахмурился Варяг.

В ответ на его невысказанный вопрос Валя сказала:

– Да ты не волнуйся, Владик, Лиза без присмотра не останется. Я с племянницей договорились, летом у нее в институте занятий нет, так она здесь поживет, за домом присмотрит, за участком и за Лизой, конечно. Она девушка хорошая, скромная, работающая и с Лизой уже подружилась...

Они вошли в просторную комнату, где во главе длинного стола гордо восседала Лиза. Пахло свежей выпечкой, грибами и еще чем-то очень вкусным. На чистой накрахмаленной скатерти были расставлены столовые приборы по числу домочадцев и гостей, включая охранников Варяга. Охранники кучкой вошли в комнату и принялись скромно рассаживаться в конце стола. В другой ситуации, разумеется, им и в голову бы не пришло садиться за один стол с шефом, но здесь Варягу не хотелось соблюдать иерархические различия, да и Валя, для которой все гости были равны, таких различий не приняла бы.

– Пицца! – торжествующе воскликнула Лиза и бросилась в кухню, едва не повалив свой стул.

Из кухни уже выплывала Валя с горой только что выпеченных пицц на подносе. Раскладывая горячие лепешки по тарелкам, она приговаривала:

– Лиза чего только не положила в начинку – и грибы, и сосиски, и картошку, и огурцы соленые... все, что в холодильнике и погребе нашлось. Даже и то, чего ни в каких рецептах нету. Но все получилось очень вкусно. Так что пробуйте, гости дорогие...

Из кухни появилась Лиза, прогибающаяся под тяжестью еще одного подноса с пищей, а за ней – незнакомая Варягу стройная темноволосая девушка в джинсах и в фартуке. Она несла две большие тарелки с зеленью. Взглянув на Варяга исподлобья, она коротко кивнула, произнесла:

– Здравствуйте, – и поставила тарелки на стол.

– Это и есть Лена, племянница моя, – представила девушку Валя.

– Владислав, – с улыбкой сказал Варяг и увидел, как уголки рта Лены дрогнули в ответ.

Стол был накрыт, и все дружно принялись за горячую пищу, которая оказалась такой вкусной, особенно с дороги, что на какое-то время за столом воцарилось молчание. Варяг и сам не заметил, как уничтожил первую порцию, и, хитро покосившись на опустевшие тарелки охранников, весело заявил:

– Требуем добавки!

Счастливая Лиза вскочила с места, чтобы снова бежать на кухню. Валя приподнялась было, чтобы пойти следом и помочь ей, но Лена запротестовала:

– Сидите, тетя Валя, я сама схожу.

Голос у нее был не по-детски глубокий, грудной, с уверенными интонациями. Варяг налил себе в бокал красного вина, разбавил его водой и, медленно потягивая терпкую жидкость, стал украдкой изучать склоненное над тарелкой лицо Лены, покрасневшее от кухонного жара. Он отметил четкую линию носа, высокий чистый лоб, милую морщинку у губ, густые длинные ресницы, упругие темные локоны.

Девушка, безусловно, была красива, но как-то слишком уж серьезна. Впрочем, это и неплохо – значит, она сумеет взять на себя заботы о доме и о Лизе. Варяг понимал, что в вопросах воспитания ребенка никакими деньгами нельзя решить всех проблем. Поэтому он и старался бывать на даче как можно чаще, но все же выбираться сюда ему удавалось очень редко. При таких обстоятельствах личные качества той женщины, чьей опеке он доверял свою дочь, приобретали особое значение. Валиным рекомендациям он давно привык доверять. И сейчас, глядя на Лену, готов был согласиться с ее мнением. Хотя, конечно, ему было бы спокойнее, если бы рядом с девочкой находилась именно Валя. Но, с другой стороны, Владислав поймал себя на мысли, что ему будет приятно, если Лена останется на даче. Он вообще питал слабость к серьезным женщинам.

Когда с пищей было покончено, все принялись шумно хвалить стряпух, и в первую очередь Лизу. Варяг тут же постарался положить конец захваливанию, попросив чаю. Лена сразу же поднялась и направилась на кухню. Варяг почувствовал неловкость, поскольку вовсе не хотел, чтобы эта славная девушка чувствовала здесь себя прислугой. Поэтому он мысленно поблагодарил свою дочь, которая, пыхтя и приговаривая:

– Фу-у, объелась, – слезла со стула и последовала за Леной.

Валя, сидевшая рядом с Варягом, тоже привстала было, но он удержал ее за руку.

– В какую больницу направление? – вполголоса спросил он. – Я вас буду навещать.

– Нет-нет, что ты, Владик, – начала отнекиваться Валя. – Тебе же некогда, ко мне сестра будет приезжать...

– Валя, ты за кого меня принимаешь? – обиделся Варяг, незаметно для себя перейдя на «ты». – Я сказал: мы будем к тебе с Лизой приезжать. Она ведь тоже захочет тебя проводить, ты как думаешь?

– Захочет, конечно, – смущенно улыбнулась Валя, сердечко у нее золотое. Ты только сам приезжай к ней почаще. Она... Она ведь так тоскует и... – Валя на мгновение замаялась. – Она ведь знает насчет мамы.

– Откуда? – вздрогнул Варяг.

– Знает, и все, – вздохнула Валя. – Так-то она вроде бы веселая, но иногда задумается, посмотрит на меня молча, и я чувствую, что она знает.

Слова Вали заставили Варяга надолго задуматься. «А чего ты хотел? – обратился он к самому себе. – Рано или поздно ребенок спросит о том, где его мать. Нельзя же вечно врать...» Однако он чувствовал, что не в силах заговорить с Лизой о судьбе ее матери, и решил: «Ладно, когда сама спросит, тогда отвечу».

Вернулся к действительности Варяг от легкого прикосновения к плечу – это Лена, разносившая чай, задела его локтем и мягко сказала:

– Извините. – И волнующей походкой прошла мимо, грациозно прогнулась, опуская чай на стол.

За веселой, ничего не значащей болтовней гости и хозяйки пили чай. Потом Варяг взглянул на часы и поразился тому, как быстро пролетело время. Охранники посмотрели на него выжидательно. Он в несколько глотков допил чай, поднялся и сказал:

– Нам пора. Спасибо за хлеб-соль.

– Уезжаешь? – огорченно протянула Лиза. – Может, еще часочек?

– Извини, дружок, дела, – развел руками Варяг. – Постараюсь на неделе еще приехать.

– Да, уж ты постарайся, – сказала Лиза с упреком – совсем как взрослая женщина, а Лена впервые за весь вечер взглянула в упор на Варяга, и он отметил, что глаза у нее серо-голубые.

Глава 4

Могли бы договориться

На переделкинской даче Николая Радченко между тем все возрастало напряжение. На время проведения операции по устранению Варяга Колян поручил охрану дачи и безопасность жены Надежды одному из своих подручных по кличке Репа – бригадир окрестил его так за невыразительное лунообразное лицо. В своем подчинении Репа имел отряд охраны непосредственно в Переделкине, а также несколько групп бойцов в Москве, которые должны были присматривать за торговыми точками, уже взятыми бригадой «под крышу». Несмотря на свой невозмутимый вид, Репа не на шутку заволновался, когда никто из бойцов, ушедших на операцию, не вернулся обратно.

В бригаде укоренилась вера в сверхъестественную удачливость Коляна, так что братва чувствовала себя неуязвимой и боялась только своего главаря. Теперь же, когда с самим Коляном явно что-то произошло, они впали в уныние. Репа и сам хотел бы выяснить, что стряслось, и послал людей на разведку в поселок Раздоры, где находился особняк Варяга. Кроме того, он позвонил в Москву и приказал одной из групп пройти по точкам для очередного сбора дани. Однако пацаны не вернулись ни к вечеру, как было условлено, ни на следующий день. Обуреваемый недобрыми предчувствиями, Репа позвонил в Москву на хату, где жили бойцы, – узнать, как прошел обход территории. Однако к телефону никто не подошел. Впрочем, пока на даче имелось в достатке жратвы и выпивки, разбегаться бойцы не собирались – перспективы их дальнейшей жизни в столице хотя и были туманны, в родной Сибири они все равно никогда так не кайфовали. О том, что с Коляном и его бригадой произошло что-то неладное, бойцы догадывались, но полагали, что, даже окажись Колян и его люди в ментуре, ментов они на эту дачу все равно не наведут. Неопытному молодняку и в голову не приходило, что кроме лягавых существуют силы, способные посягнуть на дачу грозного Николая Радченко. Впрочем, такая мысль парней напугать не могла – вооруженные до зубов, поднаторевшие в наездах и разборках, они были уверены, что отобьются от кого угодно.

Вероятно, самоуверенности у них поубавилось бы, если бы они могли стать свидетелями гибели группы Коляна. А если бы они вдобавок узнали, что произошло с их товарищами, отправленными на разведку в Раздоры, то наверняка испытали бы острую тягу к перемене мест.

В дачном поселке Раздоры ничего, казалось бы, не предвещало недоброго: пели птички, звенели кузнечики, ветерок доносил благоухание цветущего луга. Трое бойцов, оставив свой джип «Шевроле» на въезде в поселок, пешком миновали шламбаум и зашагали по центральной улице. Неожиданно перед ними вырос охранник в камуфляже и с кавказской овчаркой на поводке.

– Так, молодые люди, куда направляемся? – поинтересовался охранник.

Боец по прозвищу Труба, прозванный так за громкий голос, вместо ответа небрежно протянул милицее удостоверение. Подождав, пока охранник ознакомится с удостоверением, Труба начальственным тоном поинтересовался:

– Как тут у вас – все в порядке?

– Так точно, – кивнул охранник.

– А что за шум был недавно? Во вторник, ближе к вечеру?

Труба мучительно пытался сформулировать вопрос так, чтобы он прозвучал естественно, однако это у него плохо получалось.

Охранник пожал плечами и ответил не совсем искренне:

– Не знаю, сейчас все тихо вроде, а во вторник не моя смена была.

«Врет, сука», – одновременно подумали Труба и двое его спутников – Хлам и Потрох.

Труба еще потоптался на месте и спросил:

- А что на седьмой даче – все тихо?
- Все тихо, – эхом отозвался страж порядка.
- Где эта дача? Мы пойдем посмотрим.
- Вон красная крыша, – ответил охранник. – Но вряд ли вас туда пустят.
- Это мы еще посмотрим.

Троица подошла к воротам дачи номер семь. Ворота были наглухо закрыты, лишь медленно поворачивался на столбе цилиндр телекамеры наружного наблюдения. Из-за высокого кирпичного забора не доносилось ни звука, в окнах с затемненными стеклами нельзя было ничего разглядеть. Гости не спеша прошлись вдоль забора, вглядываясь во вспаханную землю контрольно-следовой полосы, однако пока не заметили никаких признаков недавних бурных событий. Вернувшись к воротам, Труба принялся с удвоенным вниманием осматривать все вокруг. Его усердие было вскоре вознаграждено: в траве он обнаружил несколько автоматных гильз, еще хранивших кисловатый запах пороха, а на толстом стальном полотнище ворот заметил несколько характерных выпуклостей, которые могли быть оставлены пулями и осколками гранат, попавшими в створки ворот изнутри.

- Похоже, тут хорошо постреляли, – глубокомысленно произнес Труба.

Попасть за кирпичную ограду особняка не представлялось возможным – Хлам долго давил на кнопку звонка у ворот, однако никакой реакции не последовало. Вместе с тем братву не покидало ощущение, что за ними непрерывно наблюдают через многочисленные телекамеры, Потрох даже подпрыгнул, пытаясь заглянуть за забор, но тут же сам устыдился своего дурацкого поступка.

- Может, перелезем? – предложил Хлам.

– Ага, и прямо на вилы, – возразил Потрох. – Нет уж. Лучше тут потусуемся, может, чего и узнаем.

Они без определенной цели зашагали по улице и вскоре встретили еще одного охранника. Труба, предъявив ему свое липовое удостоверение, сурово спросил:

- Где тут у вас бытовка? Нам надо выяснить ряд вопросов.
- А что такое? – полюбопытствовал охранник.
- Сигналы поступают, вот что, – туманно, но внушительно ответил Труба.

Охранник объяснил, как пройти к бытовке, и, когда троица зашагала в указанном направлении, скользнул в проулок между особняками, вынул из внутреннего кармана рацию и заговорил в микрофон:

– Степан, слышишь меня?.. Степан, к тебе гости... Вроде из милиции, показали удостоверение... Трое, все – здоровенные лбы... Может, мы подтянемся? Будем блокировать пути отхода. Слушай, а если это и впрямь менты?

- Без разницы, – прохрипела в ответ рация, – задержим, а потом разберемся.
- Понял, – сказал охранник. – Поосторожнее!
- Натюрих! – отозвалась рация, и связь прервалась.

Труба и его спутники вскоре нашли вагончик, в котором у охранников, следивших за порядком в элитном дачном поселке, помещалось что-то вроде штаба и одновременно комната отдыха. С топотом поднявшись по ступенькам, троица ввалилась в помещение и обнаружила там всего одного человека – лысеющего толстяка лет сорока с лишним, в мешковатой камуфляжной форме. Толстяк сидел за столом и с аппетитом поедал китайский суп из пластиковой тарелки. Труба показал удостоверение и заявил:

– Капитан Решетилов, Московский уголовный розыск. Вы начальник смены? Нам нужны подробности об инциденте, происшедшем в поселке во вторник вечером.

Толстяк энергично закивал и промычал: «Щас, щас», показывая на свой набитый рот и жестом приглашая гостей занять два свободных стула. Хлам сел за стол напротив хозяина, Труба – возле стола справа от толстяка, а Потрох остался стоять за спиной Трубы.

Завершив трапезу, толстяк печально произнес:

– Вот, такой молодой и уже капитан. А я до сих пор всего лишь Сержант...

С этими словами Сержант что было сил заехал опустевшей плоской Трубе по лбу. Вскочив, он ловко увернулся от кулака Потроха, просвистевшего в воздухе, и в ответ провел короткий хук в левый бок. На горе незваным гостям, Сержант успел незаметно, под столом, надеть на руку кастет. Ребра глухо хрупнули, Потрох пронзительно вскрикнул и присел, зажмурившись от невыносимой боли. Сержант тем временем одним махом опрокинул Трубу на пол вместе со стулом. Теперь Сержант получил возможность без помех расправиться с Хламом. Его увесистый кулак мелькнул в воздухе, словно пушечное ядро, и врезался Хламу в нос, раздробив хрящ носовой перегородки. Крупные капли густой крови хлынули из ноздрей на жестяной пол вагончика. Хлам закатил глаза и тяжело повалился на пол. В этот момент Труба вскочил на ноги. Сержант стоял к нему вполоборота, но застать противника врасплох Трубе не удалось: не поворачиваясь, Сержант нанес ему мощный удар локтем в лицо под правый глаз. В голове у Трубы помутилось, и он, рухнув навзничь, с грохотом врезался спиной в стенку вагончика и с громынянием сполз на пол.

– О-о, – стонал Потрох, присев на корточки и раскачиваясь взад-вперед.

Сержант повернулся и в упор посмотрел на него.

– Не бей, – простонал Потрох, – я сдаюсь...

Не обращая внимания на слова, Сержант еще дважды саданул прищельца по почкам и пинком заставил его распластаться на дощатом полу, быстро обыскал и вытащил из-под куртки пистолет и нож. Такую же процедуру он произвел с Трубой и Хламом. Затем на валявшихся на полу «гостей» вновь посыпались пинки. Помахав изъятым у Потроха пистолетом, Сержант рявкнул:

– Подъем, засранцы!

Поверженные тяжело заворочались и с кряхтением поднялись. Корчась от боли, Труба с усилием сфокусировал взгляд на лице Сержанта и с ненавистью прошипел:

– Ты что делаешь, козел? Я же тебя посажу!

– Пока что я тебя положил, – хладнокровно возразил Сержант. – Ксиву свою фальшивую можешь себе в задницу затолкать – меня на такой хреновине не проведешь. Короче, шагай вперед и помалкивай, а то еще схлопочешь.

Высокомерие врага до глубины души возмущало братков, привыкших быть всегда хозяевами положения. Однако сопротивляться они не могли – Потрох еле шел, согнувшись от боли в сломанных ребрах, Хлам никак не мог остановить кровь, лившуюся из расплющенного носа, а у Трубы кружилась голова и к горлу подкатывала тошнота. «У него тут все схвачено», – со страхом подумал Труба, видя, как приветствуют пожилого Сержанта попадающиеся навстречу охранники.

Когда процессия подошла к зловещим воротам участка номер семь, на котором располагался особняк Варяга, Труба остановился и заявил:

– Не, мужик, я туда не пойду!

– А куда же ты хочешь, родной? – ласково полюбопытствовал Сержант. – Домой к маме?

– В ментуру лучше, только не туда, – жалобно ответил Труба, сам понимая, что мелет ерунду.

Сержант искренне рассмеялся, и по его знаку стальное полотнище ворот поползло в сторону, открывая величественный фасад особняка, тщательно подметенную брусчатку двора и застывших угрюмых молодцов в камуфляжной форме и с автоматами на изготовку. Труба вновь умоляюще заскулил, но Сержант, не слушая, толкнул его в спину со словами:

– Иди, не бойся, никто тебя не тронет. Шеф у нас добрый!

Владислав и впрямь попросил Сержанта, взявшего на себя охрану особняка, по возможности избегать кровопролития. Оговорку Варяга – «по возможности» – Сержант понял в удобном для себя смысле и решил: если прибывшие будут выпендриваться, втихаря пристрелить всех троих в подвале, а потом вывезти покойников с мусором...

* * *

Бойцам, получившим по телефону приказ Репы отправиться на сбор дани, повезло еще меньше, чем Трубе и его друзьям. После звонка они дисциплинированно собрались, позвонили на пульт милицейской охранной сигнализации (в квартире оставалось немало ценных вещей, и пацаны опасались взлома), тщательно заперли стальную дверь, спустились во двор, уселись в красную «Тойоту» и покатали к центру. Их было пятеро, возглавлял группу румяный, цветущего вида верзила по кличке Гнилой. Конечно, братки не знали, что Радченко сдал их адрес отставному полковнику Чижевскому и квартира взята под наблюдение.

Наблюдатель в доме напротив оторвался от окуляров телескопа, взял рацию и отдал короткий приказ. Из его окна было видно, как из соседнего двора выехала неприметная бежевая «шестерка» и уверенно повела красную «Тойоту».

До антикварного магазина доехали без приключений. Бойцы через подворотню въехали во двор, оставили там тачку, вышли из подворотни и гуськом просочились в магазин. С одинаковыми стрижками «под ноль», с одинаковыми бычьими шеями, в почти одинаковой одежде, они производили довольно странное впечатление.

– Как будто в форме, – выразил общее мнение широкоплечий седой мужчина лет сорока, сидевший за рулем «шестерки», припаркованной на противоположной стороне улицы.

Два пассажира невнятным угуканьем подтвердили верность наблюдения. Обоим было на вид от сорока до пятидесяти лет: на висках обильно выступила седина, глаза выцветшие, много повидавшие, иссеченные морщинами лица старили их, но широкие плечи и подтянутые фигуры, наоборот, разительно молодили. Все трое раньше были военными разведчиками, успели послужить и в диверсионных отрядах, и в зарубежных резидентурах ГРУ и вышли в отставку по различным причинам: водителя, майора Сергея Абрамова, уволили за пьянство; майора Ивана Лебедева – по состоянию здоровья: в Чечне он, не разобравшись, расстрелял из пулемета деревенский дом, в котором прятались мирные жители, и свидетелем этого инцидента стал, как на грех, некий западный журналист. Капитан Фарид Усманов рапорт об увольнении подал добровольно, озверев, как он выражался, от «этого бардака».

С Чижевским Абрамов когда-то познакомился в военном госпитале, где залечивал полученное в Афганистане ранение. С тех пор они периодически перезванивались. Отставные разведчики-«грушники» не торопились устраиваться на работу в коммерческие структуры, поскольку современные российские коммерсанты вызывали у них брезгливость. Однако, когда Чижевский сообщил Абрамову, что работает на человека, фактически возглавляющего концерн «Госснабвооружение», бывший боец невидимого фронта задумался. Название «Госснабвооружение» звучало как-то очень солидно, а старый служака испытывал ностальгию по основательной государственной службе. Чижевский, в свою очередь, испытывал острую нужду в настоящих мастерах тайной войны. Надо сказать, что Чижевский ставил «грушников» гораздо выше «комитетчиков», хотя сам принадлежал именно к последним – в этом проявлялось его профессиональное беспристрастие. В конце концов он привлек на службу Абрамова и двух его приятелей – правда, не подписывая никаких трудовых договоров. Отставные офицеры работали напрямую с Чижевским, выполняя только его распоряжения. Он заключил со своими новыми подчиненными джентльменское соглашение: в круг их обязанностей входит только то, что связано с официальной деятельностью концерна.

– Может, твой шеф и ворует у страны деньги – бог ему судья, – сказал Абрамов, имея в виду Варяга. – Но возить за рубеж чемоданы с ворованными баксами мы не собираемся.

– И голых девок ему в сауну подвозить – тоже не по нашей части, – добавил Лебедев.

– Ладно, мужики, договорились, – кивнул Чижевский. – У нас сейчас есть и потруднее дела. Кто-то копает под нашего шефа. По-моему, идет подготовка акции по его устранению...

Получив согласие бывших военных разведчиков, Чижевский вздохнул с облегчением – наконец-то в его подчинении появились люди, на которых он мог вполне полагаться. Когда Колян назвал адреса, по которым проживали его люди, Чижевский решил брать сибирских гастролеров прямо на квартирах. До начала операции за квартирами было установлено наблюдение. Чижевский ввел в действие запасной план, согласно которому специальная группа захвата должна была выследить бойцов Коляна и обезвредить их прямо на той точке, куда они приедут, Чижевский благодарил судьбу за то, что на дело выехала группа как раз из той квартиры, которую «пасли» бывшие военные разведчики. Теперь он мог не сомневаться в том, что все будет сделано как надо.

Коляновы бойцы подъехали к антикварному магазину, как и положено, к моменту закрытия. У входа стоял красный «БМВ» – явно не первой свежести. Когда бойцы скрылись внутри, Фарид Усманов вылез из «шестерки» и пошел через подворотню во двор, чтобы установить, имеется ли в магазине второй выход. Тем временем его товарищи следили из машины за тем, как выходят из магазина запоздалые покупатели. Затем после некоторого перерыва магазин стали покидать и сотрудники. Абрамов сделал из этого логичный вывод:

– Должно быть, нет заднего хода.

Вернувшийся Усманов его вывод подтвердил и добавил:

– На всех окнах, которые выходят во двор, мощные решетки, так что через окна во двор выскочить нельзя. Кроме того, в подвале под магазином расположено что-то вроде мастерской. Окна мастерской зарешечены.

– Понятно, – кивнул Абрамов, – мастерская для того, чтобы готовить товар к продаже: подчистить, подкрасить, подреставрировать, картину в рамку вставить... В мастерской заметил кого-нибудь?

– Не заметил, – покачал головой Усманов. – Горит лампочка сигнализации.

– Значит, никого, – согласился Абрамов. – Мастера, видимо, уже ушли. Ну что, нам пора, а то они получают бабки и уйдут. Не на улице же их вязать. Лебедев, давай!

Лебедев молча кивнул, взял кейс, протянутый ему Усмановым, выбрался из «шестерки» и зашагал к магазину. Он на глазах утратил военную выправку, ссутулился и в своей дешевенькой синтетической курточке стал походить на обычного представителя советской трудовой интеллигенции. В дверях Лебедева встретили двое плечистых громил в кожаных куртках.

– Тебе чего? – спросили они. – Уже закрыто.

– Я знаю, – закивал Лебедев. – мне надо деньги сдать.

– Деньги – это хорошо, – глубокомысленно произнес один из бойцов, улыбаясь. – Давай их сюда.

– Э-э, нет, молодые люди, – захихикал Лебедев, – извините, но я порядок знаю. Деньги вручу только директору. Она на месте?

Громилы засмеялись, потом один сказал:

– На месте... Ладно, проходи, но придется обождать.

– А мне, молодые люди, спешить некуда, – отозвался Лебедев все с тем же старческим хихиканьем, протискиваясь между курток в приоткрытую дверь.

Оказавшись в помещении, отставной майор нащупал под рукавом кнопку специального крепления на правом запястье. Он отстегнул кнопку, и в ладонь ему скользнула короткая, но очень тяжелая металлическая дубинка с удобной рукояткой, обтянутой кожей. Бойцы Коляна

разинули рты от изумления, когда сутулый дядька вдруг резко развернулся, словно балетный танцор, и вскинул руку с дубинкой. Кейс отлетел в сторону, а дубинка обрушилась одному из громил на плечевой сустав, после чего парень обнаружил, что перестал владеть правой рукой – она висела плетью, словно чужая. Впрочем, долго огорчаться по этому поводу бойцу не пришлось – следующий удар пришелся ему по темени. Его товарищ вскинул было руки, готовясь сопротивляться, и уже набрал в легкие воздуха, чтобы позвать на помощь, но тут Лебедев принялся охаживать его дубинкой по морде. Удары страшной силы сыпались градом, ломая кости. Ошалев от боли и собственной беспомощности, охранник опустил руки и после очередного удара по голове как мешок повалился на пол. Правда, перед тем как упасть, он все же успел слабо вскрикнуть, и этот вскрик и шум падающего тела могли привлечь внимание остальных, находившихся в кабинете директора. Лебедев одним прыжком подскочил к двери, соединявшей торговый зал с внутренними помещениями магазина, и застыл у косяка, прижавшись спиной к стене. Вскоре он услышал шаги в коридоре и приглушенный оклик:

– Серый, что там у вас?

Вслед за этим из дверного проема появилась рука с пистолетом. Лебедев тоже успел достать свой пистолет и сжал его в левой руке. Правую руку с дубинкой он медленно занес для удара. Человеку с пистолетом оставалось сделать еще полшага, чтобы увидеть на полу два неподвижных тела. Однако в этот момент Лебедев резко опустил дубинку ему на запястье. Пистолет со стуком выпал на пол, человек застонал и согнулся, словно нарочно подставляя противнику затылок, по которому Лебедев не замедлил нанести второй сокрушительный удар. Стон мгновенно оборвался, и массивное тело рухнуло на навощенный паркет. Лебедев прислушался: все было тихо. Он обвел взглядом помещение. Всюду поблескивала позолота старинных часов и канделябров, тускло светились клинки восточных сабель. Подняв глаза, Лебедев встретил высокомерный взгляд какого-то сановника, изображенного в лентах и орденах на парадном портрете. За стеклянной дверью замаячила фигура Абрамова, и Лебедев жестом пригласил его зайти, одновременно прижав палец к губам. Через мгновение все три отставных разведчика собрались у двери в служебные помещения.

– Их же вроде пятеро было? – спросил шепотом Абрамов, бросив взгляд на выведенных из строя троих бритоголовых противников.

– Остальные, похоже, у директора – инкассацией заняты! – предположил Лебедев. Усманов, никогда ранее не бывавший в антикварных магазинах, восхищенно разглядывал старые картины и предметы роскоши.

– Фарид, хорош башкой вертеть, – одернул его Абрамов. – Давай вперед, я за тобой. Ты, Ваня, останься здесь, посмотри за своими клиентами.

Усманов с пистолетом в руке крадучись двинулся вперед по коридору. Там, где коридор делал поворот, он присел и рывком выскочил из-за угла, однако увидел лишь три закрытые двери с табличками «Бухгалтерия», «Заместитель директора» и «Директор». Усманов двинулся к кабинету директора и резко рванул дверь на себя, одновременно присев и вскинув руку с пистолетом. Дверь распахнулась, однако в кабинете никого не было. Усманову бросилась в глаза мужская кожаная куртка, небрежно брошенная на стул, – гости явно были где-то рядом и собирались еще вернуться в кабинет. Посмотрев повнимательнее, капитан заметил в пепельнице окурки сигарет «Парламент» с характерным белым фильтром и со следами помады на нем, а рядом с пепельницей – початую пачку таких же сигарет и дорогую зажигалку.

Пока капитан производил осмотр, Абрамов страховал его, держа под прицелом коридор и дверной проем в дальнем конце. Усманов на всякий случай подергал двери двух других кабинетов, но они, как и следовало ожидать, оказались заперты.

– Что за херня? – шепотом поинтересовался Абрамов. – Где они?

– В мастерской, – отозвался Усманов, кивая на дверной проем в конце коридора. – Но что они там делают?

Если бы отставные разведчики знали, что директор магазина – молодая женщина, и притом красивая, они могли бы догадаться, что делают в подвальном помещении верзила по кличке Гнилой, возглавлявший группу «инкассаторов», и его подручный по кличке Кишка, прозванный так Коляном за худобу и высокий рост. Получилось все как-то само собой: когда Гнилой в сопровождении Кишки ввалился в кабинет директрисы, он сразу оценил хозяйку магазина: золотая копна пышных волос, синие глаза, полные чувственные губы. Однако грешных замыслов у него поначалу не возникло.

– Бабки приготовила? – с ходу спросил Гнилой, не здороваясь.

– Приготовила, – с ненавистью глядя на Гнилого, ответила женщина.

– Гони! – приказал тот, кивая на сейф.

– Они не в сейфе, а внизу, в мастерской, – сказала директриса.

– Почему в мастерской? – подозрительно осведомился Гнилой. – Если что, смотри! – И он показал пистолет.

– Не бойтесь, – презрительно усмехнулась женщина, – я с вами воевать не собираюсь. Просто в мастерской стоит специальный сейф. Ваши деньги я положила туда, чтоб они мне не мешались.

– Ну ладно, иди вперед, – распорядился Гнилой.

Руку с готовым к бою пистолетом он сунул в карман куртки.

То же проделал и Кишка. Когда женщина встала из-за стола и пошла к двери, Гнилой невольно сглотнул слюну, глядя на ее стройные ноги в туфлях на высоких каблуках, на черное платье в обтяжку, подчеркивающее тонкую талию и высокую грудь. На черной материи платья мягко поблескивал золотой кулон. «Бля, вот это телка! – с восторгом подумал Гнилой. – Не дурак был этот ее хахаль, покойный Гном. Ладно, в подвале с ней разберемся...»

Гости спустились следом за хозяйкой магазина по крутой металлической лестнице в подвал, где пахло деревом, клеем и краской, и, не заходя в рабочее помещение, прошли в маленький кабинетик, где старший мастер принимал заказчиков. Там действительно стоял массивный сейф. В мастерской никого не было, а когда директриса открыла сейф и стала вынимать оттуда толстые пачки сотенных, Гнилой совсем успокоился.

– Ну-ка иди погуляй, – сказал он Кишке. – У меня к хозяйке разговор есть.

Кишка повиновался, и Гнилой захлопнул за ним дверь. Когда щелкнул замок, хозяйка вздрогнула. Гнилому с малолетства не приходилось ухаживать за женщинами, он брал их деньгами, а чаще угрозами или силой. Вот и теперь он сразу перешел к делу, хотя и испытывал некоторое волнение – таких красоток ему еще не приходилось видеть так близко. Верзила сделал шаг вперед, и женщина в черном платье испуганно попятилась.

– Ты чего шарахаешься? – удивился Гнилой. – Солдат ребенка не обидит.

– Взял деньги и катись отсюда, – со злобой прошипела хозяйка. – Я на чай не даю!

– Кому не даешь – а мне дашь! – ухмыльнулся Гнилой. – Гнома-то твоего больше нет. Тебе что, крепкий мужик не нужен? Я тебя прикрою в случае чего...

С этими словами Гнилой обнял женщину за талию, но она яростно вырвалась.

– Пошел к черту, идиот! Посмотри на себя в зеркало, урод!

– Ты чего хлебало раззявила, сучка? – рассвирепел Гнилой. – Ты кому это говоришь? А ну подь сюда!

Гнилой облапил женщину так, что у нее захрустели кости, и впился в ее шею поцелуем, больше напоминавшим укус. Ей, однако, удалось с непостижимой ловкостью высвободить руку, и в следующую секунду Гнилой с руганью содрогнулся от удара в пах. Хозяйка магазина бросилась было к двери, но в последний момент Гнилой ухватил ее за запястье и рванул к себе.

– Кишка! – рявкнул похотливый «инкассатор». – Иди сюда!

Кишка ворвался в кабинетик и увидел, что багровый от вожделения Гнилой повалил женщину на стол и, прижав ее плечо одной рукой, другой судорожно пытается задрать черное платье. Жертва отчаянно отбивалась, матерно браня насильника и лягая его острыми каблучками.

– Руки ей держи! – приказал Гнилой. – Зайди спереди, вот так... Дерется, сучка... Ничего, тварь, не хочешь по-хорошему, так тебя и Кишка еще трахнет. Хочешь ее трахнуть, Кишка?

Он мог бы не спрашивать – похоть гуляла по придурковатой роже бойца. Кишка облапил женщину потными ладонями, ощущая упругость ее тела, вдыхая запах ее духов и оттого возбуждаясь все больше. Гнилой тем временем задрал платье до пояса и впился горящим взглядом в округлые ляжки, стянутые шелковистыми колготками, под которыми виднелась узкая полоска кружевных трусиков. Гнилой просунул лапищу под колготки, дернул трусики и, убедившись в том, что они ему не мешают, принялся лихорадочно расстегивать ширинку.

Он раздвинул коленями ноги женщины, извлек на свет божий свой член, окаменевший от желания.

– Не надо, пожалуйста! – плача, умоляла женщина. – Я денег вам дам!

– Ага, теперь «пожалуйста»? – мстительно отозвался Гнилой. – А кто меня уродом обзывал? Деньги твои я и так возьму, если надо будет...

Он раздвинул пальцами нежные створки ее лона, направил в цель свой внушительный инструмент, оттопырив зад, приготовившись одним движением войти в нутро, но чуть помешкал, наслаждаясь своей властью над рыдающей красоткой. И тут раздался грохот и треск – дверь от мощного удара снаружи слетела с петель и шарахнула Кишку по голове. Тот выпустил извивающуюся женщину, а она тотчас рывком перепрыгнула через стол. Гнилой остался в дурацком положении – с выставленным на всеобщее обозрение стоящим торчком членом.

– Извини, что помешали, – спокойно сказал Абрамов, стоя в дверном проеме с пистолетом на изготовку. – Значит, вы теперь таким макаром дань собираете?

– Полные отморозки, – согласился Усманов.

Кишка стоял покачиваясь и, видимо, плохо осознавал происходящее. Удар дверью по голове не прошел для него бесследно. Внезапно лицо его исказилось, и он сунул руку в карман.

– Кишка, ты что?! – в ужасе крикнул Гнилой, но Кишка уже выхватил из кармана пистолет.

Грохнул выстрел. Абрамов не двинулся с места и не изменился в лице, зато Кишка разинул рот, зашатался и повалился в угол. Строго посередине лба у него появилась небольшая черно-багровая дырочка, из которой поползла алая струйка. Абрамов, держа пистолет у бедра, стрелял, не поднимая руки. От этого зрелища у Гнилого мгновенно пропала эрекция. Он понял, что дело пахнет жареным. До его слуха донеслись всхлипывания хозяйки магазина, которая сидела на полу, забившись в угол. Недолго думая, Гнилой метнулся туда, схватил хозяйку магазина за волосы и приставил к ее шее ствол пистолета.

– Бросайте оружие, а то я бабу пристрелю! – взвизгнул Гнилой.

– Ты ее в заложники взял, да? – полюбопытствовал Абрамов.

– Я ее в натуре пристрелю, – разозлился Гнилой, – если не сделаете, как я сказал!

– Да стреляй, мне-то что, – равнодушно произнес Абрамов. – Она мне не жена и не любовница. Напугал ежа голой задницей...

– Все, стреляю! – сделав страшное лицо, заорал Гнилой.

– Штаны застегни, герой, – посоветовал ему Абрамов, указывая глазами на его расстегнутую ширинку, из которой свисал опавший орган.

Гнилой на мгновение опустил взгляд, и тут же прогремел выстрел. Женщина в ужасе взвизгнула – кровь обрызгала ей лоб и щеку. Абрамов, как и прежде, стрелял от бедра, не поднимая руки, и не промахнулся – пуля угодила Гнилому в лоб и наискосок прошла через мозг.

Руки Гнилого бессильно обвисли вдоль тела, пистолет упал на пол, но бандит, уже мертвый, еще несколько секунд продолжал стоять на ногах и лишь затем качнулся и с глухим стуком повалился в угол. Директриса, дрожа, в ужасе смотрела на мертвеца. Абрамов покачал головой и с сожалением произнес:

– Вот идиоты... А могли бы договориться.

Глава 5

Плакать бы не пришлось

Сегодня вечером у Варяга была назначена важная встреча с номинальным директором «Госснабвооружения» Андреем Егоровичем Платоновым и двумя директорами крупнейших уральских производственных объединений, выполнявших оборонные заказы. Собственно, присутствие Платонова на встрече было не обязательно – реальной властью в концерне он не обладал, а при возникновении каких-либо вопросов Варяг мог с ним встретиться когда угодно. Однако региональные директора лучше знали именно Платонова, и он нужен был скорее для создания доверительной атмосферы. Чтобы гарантированно уберечься от «прослушки», собраты решили на квартире, которую Платонов снял когда-то «для отдыха». С тех пор обстановка квартиры стала значительно скромнее – в ней оставили минимум мебели и прочих предметов обихода, чтобы людям Чижевского было проще устраивать перед каждой конфиденциальной встречей проверки на предмет обнаружения подслушивающих устройств. Явочные квартиры, как известно, время от времени полагается менять, однако Варяг решил с этим подождать, поскольку Платонов уверял, что пользовался данным пристанищем очень редко. Сюда подъезжали в основном на скромных машинах, в разное время, с минимумом охраны, часто выходили из машин в соседних дворах. Все это делалось для того, чтобы не привлекать к квартире лишнего внимания, причем руководители-производственники, вокруг предприятий которых уже давно велась возня с явным криминальным душком, встретили принятые меры предосторожности с полным пониманием.

– Береженого бог бережет, – сказал Герой Социалистического Труда Федор Кузьмич Данилов, директор из Екатеринбурга.

– В наше время осторожным надо быть, – поддержал его Алексей Михайлович Лобанов из Челябинска, тоже заслуженный человек.

Они сидели в мягких креслах вокруг покрытого льняной скатертью приземистого столика, на котором в окружении четырех пузатых бокалов красовалась большая бутылка отборного дагестанского коньяка «Нарын-Кала», не бывающего в широкой продаже. Лобанов потер руки:

– Дагестанский – это хорошо! Я отборный дагестанский больше армянского уважаю.

– А я «отборный» русский предпочитаю литературному. Особенно на работе, – брякнул Данилов. – А никуда не денешься, наш народ только его и признает.

Лобанов, оценив юмор собеседника, рассмеялся и, потирая руки, закричал:

– Ну, Кузьмич, наливай!

– Дагестанский и подделывают меньше, – заметил Данилов, разливая по рюмкам душистый маслянистый напиток.

Алексей Михайлович застонал от удовольствия, вбирая ноздрями разлившийся по комнате аромат. Из кухни появился охранник, поставил на стол блюдо с нарезанными лимонами, открытую коробку шоколадных конфет, пепельницу и вновь скрылся на кухне.

– Закуска такая, как вы просили, – развел руками Игнатов. – Может, хотите чего-нибудь поусушественней – сейчас организуем...

– Не надо, Владислав Геннадьевич, – отказался Лобанов. – Мы в думской столовой пообедали.

– Хорошая столовая, – согласился Данилов, – но больно уж дорогая. Никаких командировочных не хватит.

– Значит, здесь у вас будет как бы продолжение десерта, – усмехнулся Игнатов, поднимая рюмку. – Ну, ваше здоровье! – чокнулся он с гостями и с Платоновым.

Какое-то время все сосредоточенно смаковали благородный напиток. Затем заговорил Варяг. Обращаясь к гостям, он сказал:

– Как вы знаете, в «Госснабвооружении» я работаю недавно. Не собираюсь делать вид, будто я крупный специалист в промышленной политике – пока я, в сущности, дилетант. Однако по долгу службы мне приходится анализировать ход дел в концерне и те проблемы, которые перед ним встают. Концерну, которым мы с Андреем Егоровичем Платоновым руководим, небезразлично также и положение крупных предприятий, подобных вашим. Думаю, что и вы, в свою очередь, заинтересованы в нашей успешной работе...

– Само собой! Куда же мы без вас! – живо откликнулся Лобанов.

– Заказов мало даете, – закусывая, с упреком сказал Федор Кузьмич.

– Согласен, – кивнул Варяг, – могли бы давать больше. Однако для этого надо распутать целый клубок проблем. Оплачивать заказы мы можем из двух источников: теми деньгами, которые мы получаем из бюджета, и доходами от собственной деятельности, то есть от экспорта вооружений. Из бюджета нам дают все меньше и меньше. Да и наша экспортная деятельность встречает все больше препятствий. Я работаю недавно, но уже успел столкнуться с целым рядом необъяснимых фактов, когда мы не попадаем на международные оружейные ярмарки, когда конкурсы на поставку оружия проходят без нас, когда уже изготовленные и оплаченные товары застревают в пути и не доходят до потребителя, когда наши заявки постоянно опаздывают и не попадают в нужное место и в нужное время... По мере возможности я пытался разобраться в наиболее вопиющих случаях и могу вам заявить: препятствия совершенно сознательно создаются чиновниками федерального уровня. При этом, разумеется, конкретных виновников саботажа в недрах аппарата найти невозможно.

– Это точно, – желчно рассмеялся Лобанов и одним махом опрокинул рюмку в рот. – Иван кивает на Петра, Петр кивает на Ивана и все шито-крыто, все концы в воду!

– Да, у них все отработано, – со вздохом подтвердил Данилов.

– И силовые структуры нам не помогают, – продолжал Владислав. – Словом, необходимо хорошенько перетряхнуть всю систему управления государственной машиной, однако нужных рычагов для этого у нас не имеется. Во всяком случае, пока нет. Смена государственного аппарата – всегда вопрос политический.

Варяг многозначительно посмотрел на Платонова. Директора же разом открыли рты, собираясь что-то сказать, но Владислав Геннадьевич поднял руку:

– Я еще не закончил. Я предлагаю ясно осознать, что, если заниматься только экономикой, мы далеко не продвинемся. Я предлагаю самим активно включиться в политическую деятельность и создать свое политическое движение.

– Вон вы куда хватанули! – воскликнул Лобанов. – Политическое движение!

Данилов закричал, почесал в затылке седую прядь и наконец промолвил:

– Поссорюсь с верхами, а на мне завод. Как тогда быть?

– Ни с кем не надо ссориться – по крайней мере сейчас, – возразил Варяг. – Можно создавать гуманитарные и благотворительные организации, но работать в них будут наши люди и выполнять те задачи, которые мы перед ними поставим. И вообще, пока не стоит спешить оформлять что-то на бумаге. Сейчас главное – это поиск людей, обладающих определенными возможностями. У кого-то есть деньги, у кого-то связи в средствах массовой информации, у кого-то контакты во властных структурах... Мы должны объединить все эти силы вокруг себя.

Платонов внимательно слушал Владислава Геннадьевича, многозначительно в знак согласия кивая головой, как бы приглашая двух директоров-собеседников согласиться с мнением своего коллеги.

– А что, – сказал Лобанов после минутного раздумья, – мне это нравится. Мы на производстве как резиновая Зина – все, кому не лень, нас имеют, а мы только кряхтим иногда. Пора самим влиять на ситуацию.

– Не привыкли мы к этому, – осторожно заметил Данилов. – Мы отродясь политикой не занимались. Как бы впросак не попасть.

– Федор Кузьмич, странно вас слушать, – удивился Варяг. – Вы же директор, ваша работа – управлять людьми. Вы же не можете на заводе сами все делать, правда? Ну и в политике так же – ищите надежных людей, задавайте им направление деятельности, и они сами сделают все без вас.

– Газеты все у нас под банками... – задумчиво протянул Данилов.

– А у тебя что, зубов нет? – живо откликнулся Лобанов. – Если банк сильно выпендривается, скажи, что перекинешь свои счета в другой банк. У тебя ж на счетах миллиарды! Посмотришь, как они запрыгают. А то просто возьми и свой банк создай!

– А мы в нем поучаствуем, – весело улыбнулся Варяг. Он не спеша наполнил рюмки до краев и спросил: – Ну что, двинемся в политику? Сразу говорю: отказ не влечет за собой никаких последствий – как работали, так и будем работать.

– Надо двигаться, – уверенно сказал Лобанов, словно о чем-то давно решенном. – Важно только подтянуть всех наших ребят под это дело, губернаторов с мэрами запрячь и связь держать постоянно, советоваться...

– Связь будем держать через «Госснабвооружение», о конкретных формах контакта договоримся, – сказал Варяг. – Важно принять принципиальное решение и начать работать. Ну так как, Федор Кузьмич?

– Что ж, согласен. Давайте начнем, – кашлянув, неуверенно произнес Данилов.

Уже в машине по пути к гостинице «Москва» Алексей Михайлович спросил Данилова:

– Кузьмич, нас с тобой только что в партию опять приняли. Чувствуешь? Как в старые добрые времена.

Данилов пробормотал что-то неразборчивое, а Михалыч продолжал:

– Молодец мужик этот Игнатов – вроде и ничего особенного не сказал, а убеждает. Как думаешь?

– Думать не вредно, – сказал Данилов. – Вот только как бы потом плакать не пришлось!

Глава 6

Все кончено, господа

Братки неспешно просыпались: их ожидал очередной день вынужденного бездействия на даче Коляна в Переделкине. Они почесывались, с завыванием зевали, мучительно долго поднимались с несвежих постелей и начинали бесцельно слоняться по дому, босые и расхристаные. На столах их глазам представляли следы вчерашней попойки: пустые бутылки и полные пепельницы, издававшие удушливый запах, разнообразные объедки, банки из-под консервов и всюду – окурки и табачный пепел. Все говорило о скоплении в одном замкнутом пространстве большого количества ленивых ограниченных существ. Сейчас эти существа тяжело вздыхали, закуривали натошак и время от времени изрекали: «Эх, пивка бы сейчас...» За время своего заточения бандиты уже успели преступить многие запреты, например, запрет на пьянство и на расхищение продовольственных запасов, однако запрещение на выход без разрешения с территории дачи они пока нарушать не отваживались. Необходимость соблюдения конспирации была ясна даже для их птичьих мозгов. Выходить за ограду было позволено только Репе, он же считался кем-то вроде домоуправителя и вел все дела с администрацией дачного поселка. Репа также ездил в магазин за едой и выпивкой. Набирать слишком много он остерегался, дабы не привлекать к себе особого внимания, однако пополнять стремительно тающие запасы надо было хоть каким-то образом. Теперь перебравшие накануне бойцы маялись от утренней жажды, однако на даче пиво кончилось, а Репа, которого можно было бы послать за пивом, куда-то подевался.

– Ну где этот козел, ети его мать? – слышались злобные возгласы.

Накануне вечером Репа, подвыпивший, но не пьяный, поднялся на второй этаж, где обитала Колянова жена Надежда, чтобы найти там в гостиной комнате несколько новых видеокассет. Репа старался держать под контролем всю ситуацию на даче и потому остерегался напиваться вдребезги, как прочие бойцы. На первом этаже было довольно шумно – переговаривались пацаны, звенели бокалы, в одной комнате скороговоркой бормотал видеомagneфон, в другой играла музыка. Пищал и проигрывал музыкальные паузы компьютер, за которым сидел пьяный боец и, клонясь головой к монитору, играл в «Викингов», постоянно промахиваясь пальцем мимо нужных кнопок. Зато на втором этаже царил тишина, и было темно, только в коридоре пробивался свет из-под двери комнаты, в которой обитала хозяйка дачи, жена Николая Радченко, Надежда.

Репа включил в гостиной свет и начал рыться в стеклянной тумбочке с видеокассетами, надеясь найти крутую порнуху. Он увлекся этим занятием и внезапно вздрогнул, спиной ощутив чье-то присутствие. Резко обернувшись, он увидел Надежду – она стояла на пороге подболения, в халатике, домашних туфлях, и с иронической улыбкой смотрела на него. В ее глазах Репа увидел призывный блеск, отчего брюки стали ему тесны в паху.

– Что, скучно? Сладенького захотелось? – насмешливо спросила женщина.

– М-м... – не нашелся с ответом Репа.

Его взгляд скользнул по великолепным длинным ногам и поднялся к ложбинке между двух упругих полушарий, едва прикрытых легкой тканью халатика. Надежда смотрела на него в упор, чуть приоткрыв губы. Репе показалось, что она тоже слегка пьяна.

– Тебе-то не так скучно, как мне. Вас, мужиков, вон как много, – сказала Надежда, – хоть бы зашел, поговорил, развлек... Ну что ты молчишь? Язык проглотил?

Покачивая бедрами, Надежда неторопливо направилась к безмолвно взиравшему на нее мужику. Приблизившись к Репе вплотную, она провела кончиком языка по приоткрытым пухлым губкам и произнесла волнующим грудным голосом:

– Негалантный ты какой-то – стоишь как неживой, когда перед тобой красивая женщина, которая скучает. А ты не соскучился среди грубых мужиков?

С этими словами она запустила узкую прохладную ладонь Репе под рубашку. Женская рука заскользила по мускулистой груди, а в голове у ошеломленного Репы пронесся целый вихрь беспорядочных мыслей: «Чего это с ней?.. Колян узнает – убьет... Он Угрюмого за это хотел убить... А где он, Колян-то?.. А хороша баба, бля буду!» Словно угадав мысли парня, Надежда заметила:

– Ты что, Николая боишься? Так это зря. Если он до сих пор не пришел, то, значит, никогда уже не придет. Отпрыгался!

Репе и сам склонялся к такому выводу. Надежда потеребила его умелыми пальчиками за сосок, и его брюки затрещали под напором восставшей плоти. Махнув рукой на все сомнения, он обнял женщину за талию, привлек к себе и впился губами в ее губы. Жадно водя руками по ее телу, он ощущал под тонкой тканью халатика шелковистость кожи и упругость молодой тренированной плоти. Когда ладонь Репы охватила налитую грудь с отвердевшим соском, Надежда сладострастно застонала и принялась лихорадочно расстегивать пуговицы на мужской рубашке. Она не привыкла к долгому воздержанию, и сейчас ей сгодился бы едва ли не любой мужчина, а Репе, широкоплечий и мускулистый, был вовсе не худшим партнером для эротических забав, несмотря на его невыразительное лицо. Впрочем, в другое время Надежда могла бы сдерживать свои желания и подыскать такого партнера, который нравился бы ей по-настоящему. Сейчас же ей приходилось думать еще и о том, как выбраться на свободу. А в этом Надежде мог помочь только Репе. Так что именно желание выйти на свободу заставило Надежду пустить в ход свои чары, а поскольку женщине и самой хотелось сочетать полезное с приятным, эти чары становились совершенно неотразимыми.

Она сорвала с Репы рубашку, отбросила ее в сторону. Репе проделал то же самое с ее халатиком и замер на миг, пораженный открывшимся его глазам великолепным зрелищем. При виде его восторга Надежда торжествующе улыбнулась, и ее ладонь нашарила под брючной тканью мужскую окаменевшую плоть. Не мешкая она расстегнула ремень брюк Репы, «молнию», последнюю пуговицу, спустила с партнера штаны и опустилась перед ним на колени. Репе задохнулся от предвкушения блаженства. Надежда потерлась щекой о его напрягшийся член, пока еще прикрытый трусами, легонько укусила несколько раз вожаделенную твердь и затем извлекла раскаленный член на свет божий. Репе пристально следил за ее действиями, стараясь не упустить ни одной детали, изнемогая от своих ощущений. Вдруг Надежда поднялась, привлекла парня к себе и прошептала ему на ухо:

– Пойдем... Пойдем туда...

Она потянула Репу к дивану и сама пошла впереди ленивой грациозной походкой тигрицы. Репе на ходу поспешно скинул кроссовки, кое-как освободился от брюк и трусов, едва не упав на ковер, и ринулся за женщиной, которая уже опустилась на четвереньки и призывно выгнула загорелую спину. Репе торопливо пристроился к ней сзади, безуспешно пытаясь направить в цель свой непослушный таран. Однако изящные пальчики пришли ему на помощь, и он вошел в женщину глубоко и мощно, а Надежда со стоном наслаждения выгнулась ему навстречу. Она извивалась так с каждым его толчком, умело двигаясь в унисон. Чтобы сдержать рвавшийся из ее груди крик, Надежда схватила маленькую диванную подушечку и впилась в нее зубами, издавая только глухие стоны. С приближением оргазма оба любовника словно обезумели, до предела учащая темп и двигаясь рывками. Пика наслаждения они достигли одновременно – их схватка приобрела особую законченность и полноту, когда во время последних движений они ощутили, как содрогается тело партнера.

Когда волна наслаждения схлынула, Репе осторожно высвободил член, небрежно вытер его краем диванного покрывала и со счастливым вздохом распластался на диване рядом с пред-

метом своего вождения. Некоторое время они молча лежали рядом, а затем Надежда повернулась и, нежно поглаживая Репу по груди, проворковала с улыбкой:

– Здесь неуютно, и войти может кто-нибудь... Пойдем в мою комнату и там продолжим. Хочешь?

– Конечно, – с готовностью откликнулся Репа, и его плоть невольно шевельнулась.

Они поднялись с дивана, Репа торопливо собрал одежду и, сунув ее под мышку, устремился по коридору вслед за своей подругой, проследовавшей к своей комнате все той же волнующей походкой тигрицы. На пороге Надежда на миг остановилась и послала Репе такую улыбку, от которой у парня пересохло в горле, а ствол вновь восстал, словно и не был в работе всего несколько минут назад.

В разнообразных любовных упражнениях они провели ночь, встретили рассвет и забылись сном, когда солнце стояло уже высоко над горизонтом. Надежда была вполне довольна своим партнером, хотя ни на минуту не выпускала из головы свой замысел – с помощью соблазненного Репы добиться свободы. Отдыхать им пришлось недолго – их разбудили доносившиеся снизу заунывные крики:

– Репа, ты где? Репа, пиво гони!

Надежда с недовольным мычанием завопилась в постели. Увидев ее прелести при свете дня, Репа почувствовал новый приступ желания и положил руку ей на грудь. Женщина выжидательно притихла. Ладонь начала все смелее блуждать по ее телу, достигая постепенно самых интимных мест. Почувствовав ответное желание Надежды, Репа в очередной раз навалился на нее, и тонкие пальчики вновь направили его твердь по нужному пути.

Женщина опять стонала, приподнимаясь навстречу натиску партнера, ноготками впиваясь в его спину. Ночные утехи зародили у Надежды мысль после освобождения из плена не терять Репу – редкий из ее любовников умел так ублажить. Настоящий жеребец. А что до красоты, то она мужчинам только вредит. Чувствуя нарастание наслаждения, Надежда со стоном обвила своего наездника ногами и задвигалась чаще. Через минуту судороги оргазма сотрясали их обоих.

Еще не успев оторваться друг от друга, они услышали снизу истошные крики:

– Репа, ты где?! Выходи, там в калитку звонят!

Репа выматерился сквозь зубы, скатился с Надежды на влажную постель. Несколько секунд полежал с закрытыми глазами и одним резким движением соскочил на ковер. Одеваясь, он произнес:

– Я там разберусь по-быстрому и вернусь.

– Нет, – сонно протянула Надежда, – я спать хочу. Нельзя же быть таким ненасытным! Приходи лучше вечером.

– Ну тогда вечером обязательно, – согласился Репа.

– Слушай, – сделала Надежда первый подход к интересовавшей ее теме, – а долго нам еще здесь сидеть? Мне эти пьяные вопли слушать надоело.

– Не знаю, – пожал плечами Репа. – Пока Колян не объявится.

– А почему ты думаешь, что он объявится? – спросила Надежда, приоткрыв один глаз. – Если бы он мог, то давно бы объявился. Может, его давно уже грохнули. Ты здесь досидишься до тех пор, когда те, кто его мог убить, и до нас доберутся. Сам смотри, мне-то что, я баба, меня вряд ли тронут... А вот тебя и этих уродов внизу, так это точно.

Слова Надежды поселили в душе Репы легкое смятение – он не мог не признать правоту ее слов. Тем более что она не знала ни о пропаже Трубы с двумя пацанами, посланными на разведку, ни об исчезновении группы Гнилого, отправившейся на сбор дани. «Досидимся, это точно», – зашнуровывая кроссовку, подумал Репа, но не принял никакого определенного решения – Колян с помощью запугивания напрочь отбил у своих бойцов охоту к самостоятельности. Еще раз пообещав прийти вечером, он скатился по лестнице на первый этаж.

– Ты где был? – встретили его вопросом сонные и нечесанные бойцы.

– В манде, – честно ответил Репа, пресекая неуместное любопытство. – Чего вы разорались?

– Да пивка бы надо, трубы горят, – заныли бойцы. – И в калитку звонит кто-то.

– С пивом потерпите, – отрезал Репа. – Квасить надо меньше. Я выйду разберусь, кто там звонит, а вы на всякий случай линияйте отсюда и бутылки с собой заберите. Жрете, суки, как в последний раз.

Репа и сам не подозревал, насколько близко к истине было это его замечание. Он вышел из дома, крикнул:

– Сейчас, сейчас!

Отвечая на настойчивые звонки, подошел к стальной калитке в высокой кирпичной стене, окружавшей дачу, и посмотрел в «глазок». Перед калиткой переминались с ноги на ногу пожилой мужчина в дешевом коричневом костюме, в нелепой светлой шляпе и с папкой под мышкой – типичный местечковый начальник, и его подчиненный – того же возраста, но в синем рабочем халате, в кепке, с рабочим чемоданчиком и дрелью в руках, мотком провода под мышкой.

– Чего надо? – раздраженно спросил Репа.

– Что ж вы так долго не открываете, молодой человек! – с упреком произнес мужчина в шляпе. – Обещали зайти заплатить налог за пользование земельным участком, и до сих пор вас нет. И за электричество у вас до сих пор не плачено, и за газ... А потом, вы же заявку на установку телефона подавали, так надо аванс заплатить.

Начальник в шляпе извлек из папки пачку каких-то ведомостей и сделал шаг к калитке, однако растерявшийся Репа не спешил открывать. Он помнил строгий наказ Коляна не пускать посторонних на дачу. С другой стороны, можно ли считать представителей поселковой администрации вполне посторонними? Самым же веским мотивом, заставившим его открыть калитку, стало упоминание об установке телефона: Репа понимал, что если он сорвет проведение на дачу городского телефона, то в глазах Коляна будет выглядеть полным идиотом.

– Я, вообще-то, не владелец... – нерешительно пробормотал Репа, пропуская гостей в приоткрытую калитку.

– Да? – на мгновение задумался начальник в шляпе, но тут же вновь оживился: – Но деньги-то у вас есть? Заплатить сможете?

– Есть, а как же, – ответил Репа.

– Ну и ладненько, – сказал начальник, – оставите мне в ведомости свои данные, напишем расписочку «Принято от такого-то и такого-то», и дело будет в шляпе. Сейчас пройдем в дом, снимем показания счетчика, заплатите денежки, мастер разметочку сделает – где будем телефон в дом вводить, где будет аппарат стоять, где розетки...

Репа закрыл за гостями калитку, и все двинулись к дому. В просторной прихожей человек в шляпе влез на поданный Репой стул и списал в блокнот показания счетчика. Затем они вошли в необъятных размеров холл, к которому с двух сторон примыкали комнаты, отделенные от основного пространства холла арочными проходами без дверей. Повсюду была расставлена мебель для отдыха – диваны, кресла, пуфики, кофейные столики. В разных концах помещения на тумбочках стояли два видеомагнитофона с телевизорами.

– Паспорт есть? – спросил Репу начальник в шляпе. – Впишите данные вот сюда и сюда и распишитесь.

Репа корпел над ведомостью и не видел, как внимательно гости, вмиг утратившие свой несколько придурковатый вид, осматривают помещение. «Начальник», то есть Иван Лебедев, сделал «мастеру», то есть Сергею Абрамову, какой-то знак и скривил лицо в огорченной гримасе. Знак и гримаса означали: «Их здесь не меньше десяти – не знаю, справимся ли». К такому выводу Лебедев пришел по целому ряду мгновенно замеченных им признаков: по диванам

со скомканными покрывалами, еще сохранявшими очертания тел людей, сидевших на них минуту назад; по стоявшим там и сям пустым и недопитым стаканам; по сданным на четверых картам на столике в одном конце холла и по переполненной пепельнице на столике в другом конце. Абрамов пожал плечами – это означало, что разведчики от трудностей не бегают. Он кивнул Лебедеву, разрешая действовать, а сам, мягко ступая по коврам, направился к закрытым дверям в другие комнаты. Раздался глухой удар – это Лебедев, неторопливо прицелившись, обрушил свою дубинку на затылок склонившегося над столом Репы. Тот вздрогнул, и его голова со стуком припечаталась к столешнице. Бывший майор подхватил Репу под мышки, бережно уложил на ковер, завел его руки за спину и защелкнул наручники у него на запястьях.

Чижевский приказал бывшим разведчикам при обезвреживании сибирских бандитов любой ценой избегать шума и по возможности – кровопролития.

– Наш шеф не любит лишней крови, – заявил при этом Чижевский.

– А кто же ее любит-то? – с недоумением спросил Абрамов. – Тем более лишнюю?

– Не надо из нас делать садистов, – сказал Лебедев.

– Мы не эти... Не Чикатилы какие-нибудь, – поддержал его Усманов.

– Да? А в антикварном магазине вы что наворотили? – ядовито осведомился Чижевский. – Два трупа, директорша до сих пор в шоке... Мы у нее держим своего врача, чтобы она никуда не ходила и не болтала лишнего. Так даже Колян не действовал.

– А вот этого не надо, – возмутился Абрамов. – Колян изуродованные трупы специально оставлял на видных местах. А мы? Где эти трупы? Ну где? Нету их. Может, они директорше приснились? Может, этих отморозков вообще в природе не было? Вон трое пацанов, что на сухере стояли, тоже ничего не помнят, лечатся себе...

– Нас поощрять надо, а не плешь проедать нравоучениями, – угрюмо добавил Лебедев.

– Ну а где все же трупы? – миролюбиво поинтересовался Чижевский.

– Я же говорю – нету их, – ответил Абрамов. – Есть в Подмоскovie одна старенькая котельная, которая на угле работает. Два оператора, оба алкаши. Температура в топке, как в крематории, даже кости сгорают дочиستا.

– Это точно? – усомнился Чижевский. – Не найдут потом черепа в шлаке?

– Обижают, – сказал Усманов. – Мы же проверяли.

– Ну ладно, проехали, – кивнул Чижевский. – Но директива прежняя: никакого шума, это однозначно, и по возможности без крови.

– А сколько на этой даче народу? – спросил Абрамов. – Нейтрализовать втроем без крови целую толпу...

– Судя по количеству продуктов, которое закупает в магазине их человек, народу там немного, – успокоил его Чижевский, не зная об имевшихся на даче солидных запасах. – Максимум человека четыре.

– Ну, это еще куда ни шло, – проворчал Абрамов. – Но учтите: мы не боги, все предвидеть не можем. Мы и в магазине хотели без крови, а вон как все обернулось.

Указанием воздерживаться от кровопролития и объяснялась та заботливость, которую Лебедев проявлял по отношению к поверженному Репе. Уложив бесчувственное тело на пол, он посмотрел на Абрамова, прильнувшего ухом к двери в комнату. Тот показал Лебедеву на коридор, шедший в глубь дома. Майор кивнул и направился туда. Когда он проходил мимо Абрамова, тот сделал ему знак, сообщавший о том, что в комнате за дверью находятся как минимум четверо братков. Такой вывод он сделал, расслышав вздохи, покашливание и обмен приглушенными репликами. Лебедев озабоченно покачал головой, прошел дальше по коридору до следующей двери, прислушался и показал Абрамову пальцами и мимикой: «Они здесь, их примерно пятеро, я буду прикрывать у двери, а ты действуй». Абрамов кивнул. У него стало легче на душе, поскольку он боялся, что пацанов придется разыскивать по всему дому. Он

сунул руку под халат, расстегнул под мышкой кобуру, в которой находился «ПСМ» с навинченным глушителем, подхватил с пола чемоданчик и моток провода, после чего постучал в дверь, заглянул в комнату и сообщил:

– Здравсте, молодые люди. Будем у вас телефон устанавливать.

Осмотр местности майор произвел мгновенно. Пацанов и в самом деле оказалось четверо – двое сидели в глубоких креслах по обе стороны двери, двое – напротив двери на диване. Комната была просторной – даже чересчур просторной, как все помещения в этом доме: расстояние от дивана до двери составляло метров семь. Майор решил, что это ему на руку.

– А тебя, отец, кто сюда пустил? – спросил парень, сидевший в кресле слева. Ему показалось странным, что Репа, так заботившийся о конспирации и всячески скрывавший наличие в доме многочисленных бойцов, теперь позволил телефонисту свободно расхаживать по комнатам.

– Пушкин, – ответил «телефонист» и, мгновенно развернувшись, с хрустом впечатал подошву своего ботинка в лицо бдительному бойцу. Второй из братков успел только приподнять задницу над креслом, когда Абрамов швырнул его обратно сокрушительным апперкотом в голову.

– На пол, оба, – не повышая голоса, приказал Абрамов двум оставшимся боевикам, вскочившим было с дивана.

Те хорошо знали, какую опасность представляет пистолет с глушителем в умелых руках, и потому с глухим ворчанием неохотно улеглись на ковер. Послышался булькающий хрип – это боец в кресле слева давился кровью, заполнившей носоглотку. Абрамов левой рукой вырвал его за шиворот из кресла, распластал на полу и ловко защелкнул наручники на его запястьях. Один из лежащих на ковре приподнял голову, но тут же увидел нацеленное ему в лицо дуло пистолета.

– Ну, чего смотришь? Морду в ковер, быстро! И попробуй вякнуть – мозги вышибу, – скомандовал ему Абрамов.

Тот поспешно повиновался. Майор открыл свой рабочий чемоданчик и достал оттуда четыре пары наручников. Затем он с кресла, стоявшего справа от двери, стянул на пол не подававшего признаков жизни парня и так же сковал ему руки за спиной. При этом он не переставал держать под прицелом двух громил, лежавших на ковре. Выпрямившись, майор шагнул к ним. В этот момент его опытный взгляд уловил, как напрягся для броска один из здоровяков.

– Ну-ну, пацан, – добродушно сказал Абрамов, – извини, но стать героем я тебе не дам.

Раздался специфический отрывистый звук – нечто среднее между хлопком и стуком. Длинный ворс ковра приглушил крик боли. Бандит стал кататься по коврику, сжимая левой рукой простреленную кисть правой.

– Уй-уй-уй, – причитал он, – уй-уй-уй!

– Вот тебе и «уй-уй-уй», – передразнил Абрамов. – Я мог ведь и в башку тебе пальнуть. Нет «быка» – и проблемы нет. Эй ты, который еще не раненый, ну-ка посмотри на меня. Да подними морду, не бойся. Держи!

Абрамов бросил второму бандиту наручники. Звякнув, они упали на ковер у того перед самым носом.

– Давай, успокой своего друга и заверни ему клешни за спину, – продолжал распоряжаться майор. – Теперь защелкни наручники... Так, молодец, теперь ложись как лежал и тоже лапы за спину...

Абрамов застегнул наручники на запястьях последнего из четырех пленников, выпрямился и перевел дух.

– Эй, пацаны, кто там пришел? – послышался чей-то голос из соседней комнаты, видимо, один из дачных сидельцев, услышав шум в соседней комнате, решил посмотреть, в чем дело.

– Ох, как же вы меня достали, – произнес бывший майор и, кинувшись к двери, выглянул в коридор.

Он успел увидеть, как Лебедев внезапно отпрянул в сторону от закрытой двери. Дверь распахнулась, Лебедев в ту же секунду нанес мощный удар ногой кому-то невидимому, стоявшему в дверном проеме, и ворвался в комнату.

– Руки вверх, уроды! – донесся его крик. – Всех завалю!

Получив страшный удар в грудь, стоявший у порога боец отлетел на середину комнаты и скорчился на полу. Майор, держа в вытянутой руке такой же «ПСМ» с глушителем, как у Абрамова, обводил помещение напряженным взглядом. Он насчитал шестерых. Они сидели в креслах и на диване. Седьмого, пострадавшего, можно было пока не принимать в расчет. При таком невыгодном соотношении сил всякую попытку сопротивления следовало подавлять на корню. А потому, когда бритоголовый неудачно пошевелил рукой, Лебедев, не раздумывая ни секунды, сделал два выстрела. Парень, как ошпаренный, вскрикнув, отдернул простреленную руку от своей куртки.

– Все на пол, руки за голову! – грозно скомандовал Лебедев.

Абрамов негромко от входа сказал напарнику:

– Ваня, спокойно, я рядом.

И Лебедев сделал шаг вперед, освобождая товарищу сектор обстрела. Сидевший на диване огромный детина, успевший уже основательно нагрузиться с утра, наконец осознал, что всех его корешей пытаются уложить мордой в пол всего-навсего двое хмырей пенсионного возраста, в дешевых мятых костюмчиках и нелепых шляпах. Глаза детины налились кровью, и он, разинув пасть, зарычал как дикий зверь:

– Ах ты, сука! Да я ж тебя сейчас на куски порву.

– Сидеть! – предостерегающе крикнул Лебедев, но здоровяк, поймав кураж, не обратил внимания на серьезность команды и попытался выпрямиться во весь свой исполинский рост. До Лебедева докатилась волна алкогольных паров, вырывавшаяся из разинутой пасти верзилы.

– Еще один герой попался, – проворчал себе под нос Лебедев, нажимая на курок.

Боец отшатнулся, схватился за плечо, потерял равновесие и с размаху плюхнулся обратно на диван. Через мгновение сквозь пальцы его левой руки, которой он зажимал рану, засочилась кровь. Он хотел было еще раз вскочить и броситься на врага, но неожиданно обнаружил, что больше не владеет своей правой рукой. Ярость мгновенно сменилась страхом, и он, забыв о происходящем в комнате, начал лихорадочно ощупывать свою руку, а на его глазах выступили неподдельные слезы.

– Я кому сказал – на пол! – рассвирепел Лебедев. – Ну, шпана, быстро!

Его пистолет выстрелил еще раз, и еще один из бандитов, вскрикнув, схватился за простреленную лодыжку.

Братва наконец поняла безвыходность своего положения и начала скоренько сползать со своих диванов и кресел и укладываться ничком на ковре. Абрамов открыл свой чемоданчик, взял оттуда охапку наручников и двинулся с ними к лежащим на полу браткам. Лебедев продолжал держать всю ненадежную компанию под прицелом.

– Только не дергаться. Будете мирно лежать, останетесь без дырок в голове, – предупредил Лебедев. – Если что, сразу мозги вышибу. Браслетов хватает, а, Сережа?

– Да, – откликнулся Абрамов, – я с запасом взял, как чувствовал.

Он подошел к лежащему на диване верзиле с простреленным плечом и холодно осведомился, ткнув того стволом под ребра:

– Тебе что, особое приглашение нужно?

– Да пошел ты, – не переставая баюкать руку, огрызнулся «бык», но тут же завопил благим матом, получив страшный удар в коленную чашечку. Более не сопротивляясь, он со стоном послушно сполз на ковер. Абрамов бесцеремонно заломил назад обе его руки, здоровую

и раненую, и, не обращая внимания на новые вопли и обвинения в фашизме, сковал наручниками запястья.

– Слышь, мужик, нам перевязка нужна, – проскулил бандит с простреленной ногой. – Мы так кровью истекем...

– Да и хрен с вами, истекайте, – равнодушно отозвался Абрамов, продолжая методично сковывать руки братанов наручниками. Закончив работу, он выпрямился и обратился к напарнику: – Слушай, Иван, я пока побуду здесь, а ты позови с улицы Фариды и осмотрите с ним дом. Может, остался еще кто-нибудь.

Лебедев вышел во двор, дошел до гаража, примыкавшего к забору возле калитки, и сделал стоявшему на карауле Усманову знак. Тот вошел через заднюю дверь и спросил:

– Ну как там у вас, порядок? У меня-то все спокойно было.

– У нас тоже спокойно, – кивнул Лебедев. – Пойдем дом осмотрим на всякий случай.

В процессе долгого обхода бесконечных комнат, санузлов, балконов и подсобных помещений Усманов постоянно вертел головой и цокал языком:

– Вах-вах! Во дела! Ну и живут сибирячки! Это что же, бригадир ихний сам себе построил или отобрал у кого?

– А хрен его знает, – пожал плечами Лебедев.

– Это каких же бабок стоит! – продолжал удивляться Усманов, глядя на мебель с инкрустациями, на витражи в дверных и оконных рамах, на вазы из оникса и малахита.

– По мне, запалить бы все это, – проворчал Лебедев, поигрывая связкой ключей, найденной им в кармане у Репы. Они повернули в коридор, проходивший через весь второй этаж, и вдруг увидели, как приоткрылась дверь одной из комнат, кто-то выглянул оттуда и, заметив их, резко прикрыл дверь. Щелкнул дважды замок. Бывшие разведчики, достав пистолеты, осторожно приблизились к подозрительной двери и замерли по обеим ее сторонам.

– Эй там. Открывайте немедленно и выходите по одному, руки за голову.

– Вы кто?! – завизжал внутри комнаты женский голос. – Чего вам надо?

– Баба, – расплылся в улыбке Усманов. – Во дела!

– Ты что, забыл – тут же Коля Радченко свою жену держит, с которой он не поладил, – напомнил Лебедев. Он крикнул: – Эй, мадам! Не бойся, мы тебе ничего плохого не сделаем. Давай открывай, некогда мне ключи подбирать!

Послышались неуверенные шаги, дверь приоткрылась, и в тот же миг Лебедев рванул ее на себя. В глаза ему бросилась широченная постель, еще хранившая очертания двух тел, а ноздри ощутили неповторимый запах, витающий обычно в комнате после ночи любви.

– Кто тут?! – рявкнул майор. – Где он?!

– Репа... Он ушел... – промычала перепуганная Надежда и залилась слезами.

– Красивое имя – Репа, – задумчиво произнес Лебедев. – Это не тот, который нас встречал? Да не реви ты! Никто тебя не тронет.

– Не тронет, даже и не проси, – поддакнул Усманов, пожирая жадным взглядом упругие округлости, выпиравшие из-под легкого халатика – того самого, который сыграл определяющую роль в соблазнении Репы. Надежда впала в отчаяние, поскольку вместо ясно обозначившейся возможности с помощью Репы обрести свободу над ней вновь сгустились тучи неизвестности.

– Вы кто? – робко спросила она.

– Хрен в кожаном пальто, – с готовностью откликнулся Лебедев.

– Мы славные рыцари и пришли вас освободить, мадам, – поспешил смягчить грубость товарища Усманов.

Надежда окончательно перестала что-либо понимать и оттого заплакала еще горше.

– Ну, ты идешь или нет?! – потерял терпение Лебедев.

– Выйдите, я переоденусь, – попросила Надежда.

– Ага, сейчас все бросим... – ехидно сказал Лебедев.

– Ничего, красавица, мы отвернемся, – заверил Усманов, – и потом, мы не мальчики, столько уже всего видели-перевидели. Так что давай одевайся, и поскорей.

Надежда покорно начала переодеваться. Она уже начала привыкать к роли пленницы, и ее просьба выйти прозвучала скорее для проформы, по привычке. К тому же стесняться своего тела ей не приходилось – разведчики, которые, естественно, и не подумали отвернуться, вынуждены были это признать.

Потом Лебедев отправил женщину вниз под конвоем Усманова, а сам продолжил обход дома.

– Никого нет, – сообщил он Абрамову, через десять минут спустившись вниз.

– Ну и ладненько, – кивнул Абрамов. – Если кто-то и был здесь, то теперь он уже, наверное, к Москве подбегает. Будем звонить начальству.

– А что со всей этой командой делать? – спросил Усманов.

– Не знаю, может, всех в расход? – подмигнув Лебедеву, с серьезным видом сказал Абрамов, наблюдая, как от ужаса задержались еще полчаса тому назад такие «крутые» ребята.

– А может, их ждет экстрадиция: купят, наверное, им билеты до родного города, посадят на самолет, и гуд бай!

– Н-да, – неодобрительно хмыкнул Лебедев, понимая, что такой неопределенный ответ вызывал недоумение и растерянность в умах насмерть перепуганных пленников.

– А с дамочкой как? – полюбопытствовал Усманов.

– С ней сложнее, – ответил Абрамов. – Ее даже трахнуть нельзя. Она ведь не просто дама, а законная жена Коли Радченко. Сам понимаешь: дает не всем, а только через одного, как, например, Репе.

И с этими словами он вытащил из кармана сотовый телефон, чтобы доложить начальству о благополучном завершении операции.

Глава 7

Голубой верблюд

Варяг в одиночестве сидел за огромным столом своего кабинета, откинувшись на спинку удобного вращающегося кресла. Сегодня он работал в щадящем режиме – накануне вечером он вернулся из двухдневной командировки на Южный Урал, в течение которой успел побывать на нескольких крупных оборонных заводах, и теперь ему надо было переварить полученные впечатления. В последнее время он стал регулярно практиковать такие поездки по предприятиям. При этом он вовсе не надеялся на то, что его появление или его ценные указания как-то улучшат производственную ситуацию, и потому старался не мозолить никому глаза своей персоной, всячески избегать дешевой помпы. Поездки были нужны прежде всего ему самому, чтобы ясно представить себе и обстановку на производстве, и настроения в обществе. С каждой поездкой в нем крепло странное ощущение: ему казалось, будто ему удалось прорваться сквозь завесу собственной растерянности, будничной усталости, скованности, а то и стыда. Но вместо этого он почти физически стал ощущать, как его со всех сторон окружает палящий тяжелый жар копящейся в его подчиненных ненависти. Ему не раз стал приходиться в голову парадоксальный вопрос о справедливости воровской идеи. Вот в прежние советские времена любой вор знал: обворуй он работягу хоть дочиста, первого числа тот все равно получит зарплату и встанет на ноги. Варяг всегда брезговал теми, кто крадет у людей, живущих на зарплату, однако при «совке» таких воров всегда было много, и с их существованием приходилось мириться. Они оправдывали свой сомнительный заработок формулой: «Дураков учить надо!» и напоминали, что ничего непоправимого с их жертвой не произойдет: потерпит пару недель, а потом пойдет в заводскую или институтскую кассу и получит причитающуюся зарплату.

Но теперь ситуация изменилась – теперь украсть у простого человека означало почти то же, что убить его, а ведь убивать не по приговору сходяняка и не в порядке самообороны вора всегда категорически возбранялось. За вызывающе роскошный образ жизни в прежние времена законного моментально потянули бы на правилку, теперь же хамское расточительство «апельсинов»-скоропелок в нищей стране воспринималось почему-то как должное. Собственно, Варяг и сам жил богачом – не для того, чтобы пустить кому-то пыль в глаза, а чтобы соответствовать неким установившимся стандартам. Однако в последнее время роскошные офисы, сверкающие лимузины и супердорогие клубы начали вызывать в нем неприятное чувство – за ними он видел лица людей, лишенных всего, и тогда атрибуты богатства казались ему каиновой печатью, по которой в скором будущем осужденных станут отличать от оправданных.

«Б-р-р, – потряс головой Варяг, – хватит думать об этом!»

В последнее время он старался жить очень скромно, погружившись в заботы обычной жизни, не давая воли тягостным мыслям. Однако в глубине души думал: если для того, чтобы жить прежней привычной для него жизнью, человеку требуются усилия, то, стало быть, эта жизнь вскоре должна измениться.

* * *

Варяг уже кое-что знал о первых шагах Алексея Михайловича Лобанова. Доверенные люди Лобанова два года назад учредили несколько дочерних фирм, торговавших продукцией лобановского комбината и поставлявших для него сырье. Эти фирмы, объединившись, создали банк, который и профинансировал создание в Челябинске новой газеты «Уральский вестник». Кроме того, на средства единомышленников Лобанова в городе открылось несколько общественных объединений и клубов, преследовавших официально лишь чисто гуманитарные цели,

вроде организации досуга и культурного развития своих членов. Однако в руководство объединений вошли люди с вполне определенными политическими взглядами, которые настойчиво, хотя и деликатно, старались придать деятельности своих объединений строго определенный политический характер. Побывав однажды в таком клубе на собрании, посвященном какой-то нейтральной теме, Лобанов потом долго посмеивался, удивляясь напору и находчивости молодых ведущих, «заводивших» зал почище иных эстрадных звезд. Екатеринбургский директор Федор Кузьмич Данилов в силу своей крестьянской осмотрительности старался не иметь к политике никакого видимого касательства, людей подбирал очень осторожно, деньги давал скупой и только через подставных лиц. Однако и он не мог обойтись без молодых энтузиастов, а дело, попав в их руки, начинало быстро двигаться. Вскоре Данилов с удивлением обнаружил, что контролирует одну из крупнейших на Урале ежедневных газет и вещающую на всю Западную Сибирь радиостанцию. К его чести надо сказать, что он не делал никаких попыток навязывать свои установки ни главному редактору «Екатеринбургской газеты», ни директору радиостанции: ему достаточно было не торопясь, обстоятельно поговорить с человеком и присмотреться к нему в процессе беседы. Если он проникался доверием к собеседнику, то дальше предоставлял ему полную самостоятельность, и Данилова никто никогда не подводил, Варяг и сам удивлялся тому, как быстро все происходит в провинции: казалось, достаточно открыть какой-то незримый шлюз, а там поток уже сам прокладывает себе дорогу. В столице все шло гораздо медленнее – слишком многочисленным был здесь слой людей, неплохо живущих и при существующих порядках и не склонных ничего менять, а то и прямо причастных к расхищению государственного достояния. С другой стороны, большинство этих людей были продажны, а потому легко управляемы. Что касается средств массовой информации, то в Москве за ними стояли такие мощные силы и такие огромные деньги, что, даже имея за собой «Госснабвооружение» и воровской общак, стоило дважды подумать, прежде чем ввязываться в открытую схватку.

Варяг полностью отдавал себе отчет в том, какого масштаба дело он затевает и какие трудности ждут его впереди. Однако, придя к выводу о том, что перемены в России необходимы, он презирал бы себя, если бы ничего не сделал для этих перемен. Действовать же ему предстояло чужими руками, через подставных людей, и он постепенно подбирал этих людей.

Вот и сегодня у него была назначена встреча с одним молодым, но уже весьма известным журналистом. Парень писал в основном о культуре, но походя затрагивал и экономику, и политику, и криминал. Варяг немало позабавился, читая его опусы. Тон статей был развязным, беспардонным и наводил на подозрение, что ради красного словца молодой писак не пожалеет даже родных матери с отцом. Однако таково, видимо, свойство почти всех знаменитых московских журналистов. И Варяг решил поговорить с парнем. На столе звякнул аппарат внутренней связи, Владислав Геннадьевич нажал кнопку переговорного устройства и услышал голос секретарши:

– К вам господин Козицын.

Варяг взглянул на часы – журналист был точен. Мало что в жизни бесило Варяга так, как неточность и необязательность в делах, и, начиная чиновничью службу, он пообещал себе, что ни одному посетителю не придется просиживать штаны в его приемной – Варяг не понаслышке знал, как унижительно такое сидение и как мало оно способствует возникновению дружеских чувств к хозяину офиса. Несколько раз Варягу пришлось даже прервать, не доведя до конца, обсуждение важнейших деловых вопросов, чтобы не заставлять ждать следующего посетителя, однако затем он научился укладываться в отведенное для разговора время и побуждать к тому же своих собеседников. Вечером после возвращения из поездки Варяг намеревался работать в свободном режиме и специально пригласил на этот день журналиста, с которым ему хотелось поговорить не торопясь.

– Просите, – сказал Варяг.

Дверь открылась, и в кабинет уверенно, но в то же время с почтительной улыбкой вошел пухлый розовощекий господин и, кланяясь, обратился к Варягу с приветствием:

– Здравствуйте, Владислав Геннадьевич. Я Козицын, Леонид. Давно хотел познакомиться с вами.

– Ну что же, здравствуйте! – поднялся навстречу гостю Варяг. – Чем же я привлек ваше внимание?

– Загадочностью, – ответил журналист, приближаясь к Варягу и протягивая мягкую влажную руку. – Вы – известная личность, все о вас слышали, но парадокс в том, что толком о вас никому ничего не известно. Для меня же вы – в полном смысле слова герой нашего времени: человек, который сам себя сделал.

Варяг сдержанно возразил:

– В конечном счете всякий человек сам себя делает. У каждого есть свои недостатки и свои преимущества – человек должен преодолевать первые и использовать вторые.

– Вы прекрасно формулируете, – вставил гость. – Я бы с удовольствием сделал с вами интервью.

– Но если вы думаете, что мне никто не помогал, то вы, Леонид, ошибаетесь, – закончил Варяг свою фразу. – Помогали, и немало, и очень серьезно – с моей стороны было бы нечестно умалчивать об этом. А что касается интервью, то за чем же дело стало?

– Прекрасно – тогда обговорим условия... – обрадовался журналист.

– Что за условия? – изображая недоумение, переспросил Варяг. На самом деле он, конечно, прекрасно понимал, о чем идет речь. Козицын, преодолев секундное замешательство, стал объяснять собеседнику свою мысль:

– Видите ли, сейчас уже все понимают, что информация о данном конкретном человеке – это товар для данного конкретного человека. А любой товар стоит денег – это сказал еще Маркс...

Варяг хотел было заметить, что Маркс старался все же не говорить таких пошлых вещей, но сдержался.

Журналист продолжал:

– К тому же у меня есть начальство...

– Я все понял, – прервал его Варяг, – и разделяю целиком вашу идею. Но сейчас я бы предложил не заикливаться на этом интервью. Мне хотелось бы обсудить более долгосрочное сотрудничество. Речь пойдет об издании новой газеты.

Для Варяга в принципе не составляло трудности учредить не только одну газету, но и целый ряд изданий. Воровское сообщество контролировало множество предприятий, способных профинансировать любое периодическое издание. Загвоздка состояла в том, что сообщество вряд ли одобрило бы выделение денег просто на пропаганду неких политических идей – во всяком случае, на данный момент воры были к этому не готовы. Другое дело, если бы издание быстро стало приносить прибыль – тогда вопросов, скорее всего, не возникло бы. Но чтобы сделать газету прибыльной, требовались бойкие перья и профессионалы, знающие газетную кухню. Поэтому Варяг, не желая ходить вокруг да около, прямо заявил Козицыну о своем намерении основать газету и подобрать для нее сильный авторский коллектив.

– Вы смотрите в корень, – заявил гость. – Сильные авторы сделают газету интересной, а там и реклама пойдет, и заказные статьи... Проблем нет, предложение очень интересно, и я готов к сотрудничеству. Если будут подходящие условия, то считайте, что я ваш.

– Простите, под условиями вы что имеете в виду? – осведомился Варяг. – Уровень оплаты или что-то еще – направление газеты, например?

– Да нет, зачем? – пожал плечами журналист. – Мы же профессионалы, наша задача в каждом направлении найти изюминку. Мне важно только одно – чтобы моя работа в вашей газете не препятствовала мне сотрудничать в других изданиях.

Варяг на некоторое время задумался. Он собирался говорить о принципах, которых должна придерживаться новая газета: защита национальных ценностей, борьба с расхищением национального достояния и тому подобное, однако перед лицом такой простодушной продажности все речи о принципах звучали бы крайне глупо.

Варяг улыбнулся краешком губ, вспомнив о разговоре, который он недавно вел с известным московским вором по прозвищу Саша Турок. Говорили о прессе – эта тема интересовала Варяга, а Турок, любивший вращаться среди писателей, артистов, журналистов и прочей богемы, рассказывал ему о своих знакомых.

– Перечитывал недавно книжку про Ходжу Насреддина, – хвастался Сашка, любивший почитать книжки. – Знаешь, что считалось самой редкой вещью на Древнем Востоке?

– Голубой верблюд? – вспомнил Варяг.

– Точно, – с уважением посмотрел тогда на Варяга Турок. – Ну еще бы, кто я такой, чтоб тебя учить... Тогда короче, я так скажу: легче найти голубого верблюда, чем порядочного журналиста в Москве. За бабки что хошь напишут.

– Может, тебе просто не везло, Сашок? – предположил Варяг.

– Ну, пацанов из патриотических газет я не знаю, они на тусовки не ходят. И по-моему, все зануды, – пожал плечами Турок. – А прочие, которых я знаю, – все жулики и политические проститутки поголовно.

...Припомнив этот разговор, Варяг внимательно посмотрел на Козицына и подумал, что этот человек уж точно не является голубым верблюдом в мире журналистики.

– Самый обычный верблюд, – пробормотал Варяг себе под нос.

– Что? – переспросил Козицын, придвигаясь ближе.

– Ничего, – ответил Варяг. – К сожалению, мое время истекло. У меня дела. Приятно было познакомиться. И до свидания!

Часть II

Не связывайся с законным

Глава 8

Деньги нужны завтра

Потревоженный настойчивым звонком в дверь, Андрей Спиридонов подскочил на постели и ошалело огляделся. Комнату заливал бледный утренний свет. «Да что они, охренели, что ли, – времени четыре утра!» – ворчал Спиридонов, шлепая босиком к двери. Он посмотрел в «глазок» и в тускло освещенном коридорчике

увидел хмурое лицо Коляна. Андрей издал восторженный возглас и принялся торопливо отпирать замки. Николай ввалился в прихожую, стуча зубами, и сразу потребовал чаю.

– Б-р-р, холодно под утро, – буркнул он, – а на мне только эта рубашонка, и то не моя. Да и штаны, по правде говоря, тоже не мои.

– А может, чего покрепче? – заикнулся было Андрей.

– Вы что тут, бухать без меня приучились, а, Аспирин? – сурово взглянул на него Колян. – Придется завязывать, теперь не до этого будет. Много дел накопилось...

– Я уж волноваться начал, – заговорил Андрей. – От тебя столько времени ни слуху ни духу, а как с тобой или с ребятами связаться, я не знаю...

– И слава богу, Андрюха, – усмехнулся Колян. – Поэтому тебя и не вычислили. А ребят больше нет. Горыныча и Хорька замочили, и еще десятка два полегло.

– А остальные как? – выдавил Спиридонов.

– Насчет остальных точно не знаю, но думаю, что тоже ничего хорошего. Я сейчас Гнилому попробовал позвонить, а там только определитель номера сработал, и все. Хорошо, что я из автомата звонил...

– А что стряслось-то, Колян? – спросил Спиридонов. Глаза его округлились от испуга. – Ведь такая могучая бригада была!

– Она и осталась, – возразил Колян. Он обращался теперь и к другим бойцам, которые, продрав глаза, в одних трусах возникли в дверях кухни и теперь слушали рассказ бригадира. – Мы ведь живы, а значит, и бригада жива. Нас предали, мы понесли потери, но окончательно уничтожить нас не смогли. Посмотри на меня – я жив-здоров, а ведь побывал у них в лапах, валялся на полу, прикованный к трубе, и били меня, и всякой дрянью обкалывали...

При упоминании об уколах Колян прикусил язык: бойцы могли догадаться, что речь идет о «сыворотке правды», и поинтересоваться, не сболтнул ли чего лишнего их бригадир своим мучителям. К счастью, на эти слова никто не обратил внимания, и Колян продолжал:

– За троих наших я уже отомстил. Меня трое охраняли. Я всех троих замочил и ушел. Это ихние шмотки на мне – мои все в кровище были. Я одному башку отрезал и поставил на стул в прихожей против двери – передал свой прощальный привет. Пусть знают, суки, с кем связались. Но главная моя месть впереди: за свои страдания я этого Варяга заставлю пострадать да помучиться. И уже знаю – как!

– Круто, – покачал головой Спиридонов. – А кто же нас предал-то?

– Угрюмый, – соврал Колян, решив всю вину свалить на бывшего своего заместителя: все равно эти бойцы не знали, когда и при каких обстоятельствах Угрюмый покинул бригаду. – Мы должны были одного законника грохнуть, который мешал многим людям. Я сам готовил это дело, а Угрюмого оставил на хозяйстве. Так он, паскуда, предупредил того законника, и нас там

уже ждали. Пацанов посекали из «калашей», я чудом уцелел, но попался. Мало того, он, сука, все хаты наши продал, какие знал, так еще все точки, которым мы «крышу» давали, сдал...

– А какого хрена он связался с этим законником? – задал резонный вопрос Спиридонов. – Чего ему не хватало-то?

– С Надькой моей спутался, а я им мешал, – мрачно процедил Колян.

Не очень-то приятно было признаваться в этом бойцам, но, во-первых, таким образом логично объяснялась мнимая измена Угрюмого. Во-вторых, Колян твердо решил любой ценой покарать Федьку и Надьку, а без помощи этих парней теперь ему было не обойтись.

– Точно! – встрял в разговор наконец проснувшийся и притопавший к дверям кухни Леха Водолаз. – Я тут недавно звонил в Таежный, так оказалось, что Угрюмый там объявился.

– В Таежном? – дернулся на табуретке Радченко. – И что он там делает?

– С пацанами из твоей бригады контактит, которые там остались. Говорит, Коляна больше нет, в натуре. И что он, дескать, теперь будет бригадиром.

– А что пацаны? – пытаюсь сохранять спокойствие, поинтересовался Колян.

– Сомневаются пока, – пожал плечами Аспирин.

– Правильно сомневаются, – усмехнулся Колян. – Рано он меня похоронил. Будут еще на коленках передо мной ползать – и он, и эта блядь Надька. Но пока нам здесь кое-какие дела надо доделать. У вас было конкретное поручение: разработать богатых фраеров по списку, который я вам дал. Какие успехи?

– Сейчас...

Спиридонов сходил в комнату и вернулся с кожаной папкой – в прежние времена с такими папками под мышкой ходили комсомольские работники. Он вел подробные записи о наблюдении за «фраерами». Записей накопилось уже достаточно для того, чтобы составить обобщенный распорядок дня каждого из наблюдаемых. Они жили не маскируясь – отчасти это объяснялось тем, что у большинства из них имелась «крыша».

– Ну что ж, неплохо поработали, – кивнул Колян. – А у кого какая «крыша», не выяснили?

– Нет, Колян, извини, – виновато сказал Спиридонов. – Одних проследили до Долгопрудного, других до Коптева, а больше ничего узнать не удалось. Ты же сам велел не светиться.

– Ничего, все правильно. – Бригадир похлопал Аспирина по руке, разглядывая аккуратно разграфленные листки с записями. – Ты молодец, вообще-то. Я тебя давно хотел спросить: ты почему с таким талантом техникум бросил?

Спиридонов что-то смущенно промычал, а Колян сказал, снисходительно усмехаясь:

– А что? Получал бы сейчас полторы штуки – хоть и с трехмесячной задержкой, пользовался бы уважением товарищей по цеху. Женился бы, детишки бы пошли. Жили бы, правда, впроголодь, зато был бы на хорошем счету у руководства завода...

Андрей потупился и явно не знал, что отвечать, зато на лицах других бойцов появились ухмылки. Кто-то из них вытащил сигареты.

– Отставить! – резко сказал Колян. – При мне ни в квартире, ни в машине не курить. И нечего ржать: Андрюху хоть на завод взяли бы, а вам-то одна была дорожка – на городском рынке мусор убирать и мешки подтаскивать. Вам надо судьбу благодарить за то, что вы в бригаде! И я вам гарантию даю, мы еще поднимемся! Уже сегодня начнем! Так что сейчас идите досыпать, а потом поедem наносить визиты. И телефоном пользоваться только с моего ведома – слышали?

Николай с отвращением стащил с себя чужую одежду, принял душ и разлегся на диване, с которого беспрекословно переместился на ковер Леха Водолаз. Леха был так прозван потому, что когда-то работал вместе с Коляном в водолазном отряде. Бойцы уже начали похрапывать, а Колян принялся изучать записи Спиридонова. Это занятие так его захватило, что он даже не попытался вздремнуть.

Уже через час он растолкал Андрюху:

– Сегодня какой день, Аспирин?

– Суббота вроде бы, – ошалело посмотрел на бригадира Андрюха.

– Ну вот, а то я со счета сбился. Хрен ли ж мы дрыхнем? Подъем и по машинам! Клиент ждет нас на даче!

Колян имел в виду Ашота Арутюняна, владельца фирмы по продаже компьютеров. Вскоре две машины с остатками некогда многочисленной бригады выехали со двора. Первую машину, выдавшую виды «Тойоту», вел Андрей Спиридонов, знавший дорогу до нужного им дачного поселка. За руль такой же потрепанной «Мазды» сел сам Колян. Всю дорогу он сквозь зубы приговаривал:

– Ну давай, ну чего ты еле ползешь, Андрюха...

Колян решил, что не надо терять время. Важно попасть на дачу без шума и застать хозяев врасплох, чтобы без помех провести предварительные переговоры. Колян выбрал дачу в Поваровке, старом подмосковном дачном поселке: во-первых, недалеко ехать, во-вторых, масса зелени и соседям зачастую не видно, что происходит на окрестных участках, в-третьих, поселки большие и плотно охранять их невозможно. Собственно, согласно записям Спиридонова, там, куда они ехали, и не было специальной службы охраны – только зимой дачники в складчину нанимали сторожа. Роль охранника при торговце компьютерами Арутюняне, согласно тем же записям, играл водитель, здоровенный детина, привозивший на дачу босса с семьей и остававшийся там ночевать. Это Коляна тоже вполне устраивало.

– Вы не лезьте, я сам посмотрю, что он за фрукт, – сказал бригадир своим бойцам, имея в виду охранника. – Что-то застоялся я, охота кости размять.

По тенистым, влажным от росы улицам поселка машины подкатили к высокому деревянному забору. С другой стороны над забором возвышалась живая изгородь из непролазных кустов боярышника, а над верхушками кольев тянулась колючая проволока. Промежуток в живой изгороди имелся только над калиткой.

– Андрюха и ты, – Колян показал на широкоплечего приземистого парня по кличке Гвоздь, – оставайтесь за рулем. Если кто подойдет и начнет интересоваться, что вы здесь делаете, покажете им свои ментовские ксивы. Говорите жестко, напористо. Помните: вы – менты на ответственном задании.

Гвоздь прыснул. В другое время Колян дал бы бойцу в морду, но теперь его переполнял боевой азарт, и он ограничился замечанием:

– Смех без причины – признак дурачины. Смотри, Гвоздь, если лопухнешься, кадык вырву. В случае опасности даешь сигнал – три отрывистых гудка. Так, разобрали инструмент, – обратился он к остальным, – ты – фомку, ты – ломик, ты, Водолаз, – ножницы по металлу. Ну, вспомнили спецназ и – один за другим через калитку. Ты, Водолаз, впереди, режешь проволоку.

Форсирование калитки проходило по-военному слаженно: Водолаз, которого снизу поддерживали двое бойцов, перерезал проволоку над калиткой, метнул вперед ножницы, воткнувшиеся во влажную почву газона за забором, и, словно подброшенный трамплином ныряльщик, головой вперед перемахнул через калитку. Приземлялись бойцы почти бесшумно на носки армейских ботинок, делали кувырок вперед и тут же вскакивали на ноги. Это были наиболее подготовленные люди Коляна – не зря бригадир держал их в резерве. Николай Радченко шел последним – оттолкнуться для прыжка ему помог Спиридонов и тут же сел за руль «Тойоты».

Оказавшись на участке, пятерка молча ринулась к двери трехэтажного деревянного особняка. Каждый без слов знал, что делать: один всадил между косяком и деревянной дверью фомку и отжал дверь, второй вставил в образовавшуюся щель ломик, и, когда дверь с треском распахнулась, Колян и еще двое ринулись внутрь, а взломщики последовали за ними. Нападавшие действовали быстро и целеустремленно, не задерживая взгляд на шикарнейшей мебели в

старинном стиле. Колян рванул на себя одну дверь – в комнате никого не оказалось, рванул другую – и тут никого.

– Вы следили за домом – где этот блядский водила дрыхнет? – сквозь зубы прорычал Колян.

Боец по кличке Барнаул замешкался с ответом, пытаясь сориентироваться. И тут из комнаты на противоположной стороне обширного холла появился сам водитель, он же охранник, – с помповым ружьем в руках. Колян, в чьей руке появилась красная книжечка, деловито направился к нему со словами:

– Спокойно, милиция! Вы двое наверх!

Барнаул и боец по кличке Зародыш, прозванный так за несоразмерно большую голову, устремились к лестнице на второй этаж.

– Какая на хрен милиция?! Стоять! – рявкнул охранник-водитель, вскинув ружье.

Барнаул с Зародышем замедлили шаг, но Колян рявкнул в ответ:

– Ты что, офонарел? Соппротивление милиции?

При этом Колян, не сбавляя скорости, продолжал на-двигаться на водителя, словно не видя направленного на него ружейного дула. Он рассчитал совершенно верно – охранник не решился застрелить в упор безоружного человека, который называл себя милиционером. Колян уверенным движением схватился правой рукой за ствол ружья и рванул его на себя. Он вновь рассчитал верно – верзила-охранник не выпустил оружия из рук и от рывка подался вперед, а это позволило Коляну, уклонившись влево, четко, словно на тренировке, провести бросок через бедро. Верзила взмахнул руками, не выпуская ружья, и с грохотом опрокинулся навзничь. Со всего размаха ударившись задом об пол, охранник издал крик и непроизвольно спустил курок. Ружье бабахнуло, как пушка, вдавнив в тесовый потолок дробовой заряд и наполнив помещение кислой вонью пороховых газов. На этом стрельба закончилась – Колян молниеносно ударом ноги выбил из рук охранника ружье, сильно отпихнул его на другой конец холла и обернулся к своим бойцам, тупо глазевшим на схватку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.